

А. М. МЯКОВ

ДОКТОР ДАНИЛОВ КРЫМУ

возвращение

местные
рассказы
врача

Честные рассказы врачей

Андрей Шляхов

**Доктор Данилов в
Крыму. Возвращение**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шляхов А. Л.

Доктор Данилов в Крыму. Возвращение / А. Л. Шляхов —
«АСТ», 2016 — (Честные рассказы врачей)

ISBN 978-5-17-100413-2

Приключения неугомонного доктора Данилова продолжаются! Теперь он – в Крыму! Где же еще быть настоящему патриоту своего Отечества? После нескольких лет спокойной работы на кафедре анестезиологии и реаниматологии жизнь начала казаться доктору Данилову скучной. Он с радостью принял предложение возглавить станцию «Скорой помощи» города Севастополя. Данилова не отпугнуло то, что за неполный год на этом посту сменилось три человека. Приехав в Севастополь, Данилов с энтузиазмом принялся за дело и сразу же стал поперек горла местной медицинской мафии. Руководство департамента здравоохранения идет на любые ухищрения, лишь бы избавиться от Данилова. Но Данилов кругом прав, и потому его невозможно победить.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100413-2

© Шляхов А. Л., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

От автора	6
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	27
Глава шестая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в Крыму: возвращение

*И глупо звать его
«Красная Ницца»,
и скушно
звать
«Всесоюзная здравница».
НАШЕМУ
КРЫМУ
с чем сравниться?
Не с чем
НАШЕМУ
КРЫМУ
сравниваться!
Владимир Маяковский. «Крым».*

© ООО «Издательство АСТ», 2016

От автора

Все имена, конечно же, вымышлены, все совпадения, конечно же, случайны, но в остальном все – чистая незамутненная правда, основанная, как и все прочие книги о докторе Данилове, на реальных событиях.

Глава первая

Засранцус Верус

– Значит, утром вы, Артур Евгеньевич, позавтракали кебабом и овощами, а в обед ели мороженое и пили квас?

– Да, доктор, – подтвердил пациент, страдальчески морщась и оглаживая себя по животу левой рукой. – Утром – кебаб, в обед мороженое и квас. В жару больше ничего есть не хотелось.

– И все члены семьи ели то же самое?

Члены семьи, сидевшие на другой кровати, – пышнотелая, кустодиевских форм блондинка и две худенькие девочки лет десяти-одиннадцати – дружно закивали.

– Я еще сок пила, апельсиновый, – доложила младшая из девочек, – а Анька – газировку!

– Ш-ш! – одернула ее мать. – Не мешай!

По профессиональному тону, которым были сказаны эти слова, Данилов без труда распознал в пышнотелой блондинке педагога. Мать одергивала расшалившегося Вову точно так же – негромко, но веско.

– И, кроме вас, никто не заболел?

Нехитрый *anamnesis morbi*,¹ внятно изложенный пациентом, впечатался в память Данилова сразу же. Уточнять не было никакой необходимости. Что тут уточнять? Рвота, диарея, слабость, болезненность в околопупочной области... Классическая пищевая токсикоинфекция. Грузи – и вези в инфекционную больницу. На самом деле Данилов тянул время. Хотелось обдумать все еще раз. Мутный какой-то попался пациент.

Отравился, а цвет лица свежий, розовый. Два дня как приехал, загореть еще не успел. Жалуется на рвоту с поносом, а язык чистый, влажный, здоровый, можно сказать, язык. И живот тоже производит впечатление здорового. При пальпации живота Артур Евгеньевич ойкает и морщится, но с небольшим секундным опозданием. Так обычно ведут себя симулянты.

– Никто, слава Богу, – пациент покосился на жену, словно желая убедиться в том, что она здорова.

– А судороги в ногах были?

– Вы уже спрашивали про судороги, доктор, – мягко укорил Артур Евгеньевич. – Пока не было.

На слове «пока» он сделал ударение, тоже прозвучавшее как упрек. Не тяни резину, доктор. Госпитализируй меня скорее.

– Везите его в больницу, – громко прошипел из-за приоткрытой двери женский голос. – Пока он тут всех своей холерой не перезаразил.

Домовладелицу, высокую старуху с недовольным выражением на костлявом лице, Данилов выставил за дверь еще до начала осмотра. Сдача койки еще не повод вторгаться в чужую приватность. Та громко потопала ногами в узком коридорчике, но, как оказалось, никуда не ушла, а осталась подслушивать под дверь.

– Если холера, то всех проживающих госпитализируем на карантин, а дом будем обрабатывать, – сказала в пространство фельдшер Лариса, стоявшая за спиной у Данилова. – Так что успел заразить или нет, значения не имеет.

¹ *Anamnesis morbi* – анамнез болезни.

Домовладелица громко ойкнула, захлопнула дверь и утопала прочь. На этот раз вроде бы ушла на самом деле, потому что спустя несколько секунд послышался лязг уличной двери. Данилов на входе удивился тому, что фанерную пристройку к дому снабдили массивной железной дверью. Хотели таким образом придать основательности хлипкому строению? Или просто ненужная дверь в сарае завалилась? В коротком коридоре додумать эту мысль Данилов не успел. А теперь и вовсе забыл о двери, потому что пациент подкинул куда более интересную загадку.

Чего ради он симулирует? В том, что перед ним симулянт, у Данилова почти не было сомнений. Почти, потому что назвать человека симулянтом окончательно и бесповоротно может только патологоанатом. На памяти Данилова «симулянты» не раз оказывались серьезно больными. Чем лучше изучают человеческий организм, тем больше в нем находится загадок. Но Артур Евгеньевич явно был здоров и явно хотел госпитализироваться в инфекционную больницу. Для того и «скорую» вызвал. Зачем? Зачем москвичу, недавно приехавшему в Севастополь на отдых, может понадобиться госпитализация, да еще и в такое место, как инфекционная больница? Люди симулируют, чтобы попасть в больницу, по трем причинам. Первую можно отместить сразу же, потому что сорокалетний Артур Евгеньевич давно вышел из призывного возраста. Да и не косят в инфекционных больницах от призыва. Какая там может быть отсрочка? Разве что на месяц. Не стоит овчинка выделки, то есть мучений. В инфекционных больницах не только лежать тяжело, но и лечиться. Специфическое место.

Причина вторая – госпитализацией люди пытаются оправдать свое отсутствие где-то. На работе, на суде и так далее. Но отдыхающему это вряд ли надо. Впрочем, может, он успел сегодня с кем-то подраться? Нанес оппоненту тяжкие телесные повреждения и теперь попытается лечь в больницу? А что ему это даст? Если будет надо, то арестуют больного, то есть – симулирующего. Дело недолгое. Впрочем, Артур Евгеньевич может этого не знать.

– Следите за кончиком моего пальца, – Данилов поводит перед лицом симулянта оттопыренным указательным пальцем. – Так-так, Артур Евгеньевич... Что-то не нравятся мне ваши зрачки. Может, у вас рвота от сотрясения головного мозга? Вы, случайно, головой не ударялись сегодня или вчера? Не падали? Не дрались?

– Что вы, доктор! – вмешалась жена симулянта. – Артурик вообще не драчун, к тому же мы все время вместе. Не дрался он ни с кем и не падал.

– Рвота от сотрясения мозга быть может, а понос – вряд ли, – «уел» Данилова Артур Евгеньевич.

– Да, вы правы, коллега.

Слово «коллега» вырвалось у Данилова машинально, но Артур Евгеньевич принял его за издевку.

– Я не врач, а директор автосервиса, – пробурчал он и снова поморщился. – Опять живот начинает крутить. Успеть бы до больницы доехать.

Третью причину – госпитализацию с целью шантажа близких родственников – Данилов рассматривать не стал. Артур Евгеньевич не производил впечатления истерика, да и атмосфера в комнате была ненапряженной. Недавние конфликты Данилов, что называется, носом чуял – опыт. Супруга Артура Евгеньевича выглядела озабоченной, а дочка оживленно шушукались, то и дело косясь на монументальную Ларису, в руках у которой оранжевый скоропомощной ящик казался игрушечным.

Бригаденфельдшера и бригаденштурмана, то есть – водителя, Данилов выбрал себе сам. Должны же быть у начальника станции, совмещающего на полставки выездного врача, какие-то привилегии. Тем более – на бригаде интенсивной терапии. Требования к сотрудникам бригады у Данилова были простые. Первое – спокойный характер, потому что работать с истериками он не любил. Да и кто любит? Второе – чтобы были местные, знающие

город и его «специфику». Третье – чтобы были физически крепкими и таскали носилки игрушки. Крепче всех в бригаде была Лариса, неофициальный чемпиона севастопольской скорой помощи по армрестлингу. Как среди женщин, так и среди мужчин. С Ларисой обычно мерились силой мужики. Из новичков, подначенные старожилками – а ну-ка, сможешь ли ты «положить» нашу Дюймовочку? Припечатывая к столу очередную руку, Лариса говорила одно и то же: «Квелый нынче мужик пошел, замуж выйти не за кого». Согласно станционной легенде, Лариса собиралась выйти замуж за того, кто ее победит. Водитель Юрий Палыч тоже был чемпионом, но всего Севастополя, по боксу, в полутяжелом весе, но бывшим. Как сам шутил: «еще советского разлива». Короче говоря, для неместного доктора с посттравматической энцефалопатией и протезом в левом коленном суставе команда подобралась самая что ни на есть подходящая.

– Собирайтесь, поедem в больницу, – сказал Данилов и позвонил на Центр.

Место можно было бы и не запрашивать. И без того известно, куда везти – на Коммунистическую, в восьмую инфекционную. Других инфекционных стационаров для гражданских лиц в Севастополе нет. Но Данилов, как начальник станции, считал своим долгом подавать подчиненным правильный пример и потому дотошно соблюдал все формальности. Положение обязывает. Временами сам себе удивлялся – неужели это я? – и вспоминал слова жены: «Станешь начальником, поймешь как надо работать». Стал. Понял. То и дело тянуло обратно, но отступать было нельзя.

– Что собрать?! – заволновалась жена симулянта, зависнув над выдвинутым из-под кровати и раскрытым чемоданом. – Тапочки, маечки...

– Пока ничего, – сказала Лариса, у которой Артур Евгеньевич тоже вызвал подозрения, – пускай едет как есть. Если госпитализируют, привезете что надо.

– Нет уж! – решительно заявил супруге Артур Евгеньевич, переведя свое страдающее тело из лежачего положения в сидячее. – Нечего тебе с девчонками по больницам бегать. Собери все сразу. И бритву не забудь положить. А я схожу в кабинет на дорожку.

– Только быстро! – предупредила Лариса. – Не тяните.

– Запорами не страдаю, – огрызнулся Артур Евгеньевич и ушел.

Когда он вернулся, у Данилова окончательно исчезли сомнения в том, что перед ним симулянт. От Артура Евгеньевича пахло табаком, а даже самый отчаянный курильщик при отравлении сделает паузу. И без того крутит-мутит, а от сигареты так совсем душу наизнанку вывернет. Рвота у него с поносом, как бы не так.

Выездной врач Данилов вступил в очередной конфликт с начальником станции Даниловым. На каждом дежурстве это случалось раз по десять, и начальник станции всегда побеждал. Выездному врачу хотелось отказать Артуру Евгеньевичу в госпитализации и авторитетно доказать ему, что он симулирует. Если вывести во двор, подальше от женских и детских ушей, то... Впрочем, нет, не годится. Слышимость везде замечательная. Фанера не поглощает звуки, она их проводит. «Я тебе выведу! – одернул выездного врача начальник станции. – Если этому... кхм... человеку приспичило госпитализироваться в инфекцию, он будет вызывать повторно. При «повторе» его придется госпитализировать в обязательном порядке. На то есть приказ. Диагноз, который он на себя так старательно натягивает, на догоспитальном этапе снять невозможно. Только в стационаре, причем комиссионно – при совместном осмотре врача и заведующего отделением. Ты уже потратил на этот вызов сорок минут. До «восьмерки» ехать минут пятнадцать да пять минут на сдачу пациента в приемном, итого двадцать. Столько же уйдет на разборки. Времени ты не выиграешь, но если оставишь его дома, то другая бригада потеряет как минимум час. Так что бери его и вези, Владимир Александрович! В приемном можешь попросить, чтобы его положили в самую плохую палату на самую дрянную койку, это я тебе разрешаю. Не мщения ради, а чтобы

поскорее одумался и перестал симулировать. Обстановка, она способствует правильному ходу мыслей».

До приемного отделения дело не дошло. Вообще до больницы не доехали. На Вакуленчука лежащий на носилках Артур Евгеньевич посмотрел на сидевшего у него в головах Данилова своими ясными голубыми глазами и сказал:

– Знаете, доктор, мне стало лучше и я передумал госпитализироваться. Остановите, пожалуйста, машину, я выйду. Обратно меня везти не надо.

– А никто и не собирается! – фыркнула Лариса, сидевшая рядом с водителем. – Палыч, притормози-ка!

Слух у Ларисы был удивительно чутким. На шумной улице во время движения машины с переднего места она слышала все, что говорили в салоне. Даже шепотом.

– Распишитесь здесь! – Данилов быстро черкнул в карте вызова «отказ от госпитализации».

Когда Артур Евгеньевич уже вышел из машины, Данилов не выдержал и спросил:

– Можно узнать, зачем был вам нужен весь этот сыр-бор? Неужели для того, чтобы бесплатно доехать до торгового центра? Я же видел, что вы симулируете...

– Симулировал! – кивнул Артур Евгеньевич и широко ухмыльнулся. – Могу сказать зачем, только с условием, что все останется между нами.

– ...! – вырвалось у Данилова нехорошее слово. – Как же я раньше не догадался! Вам было надо слинять от жены и детей под благовидным «железным» предлогом, верно?

Артур Евгеньевич снова кивнул. Ухмылка его стала еще шире.

– А отравление вы выбрали потому, что в инфекционном стационаре нет посещений.

– Все верно, – подтвердил Артур Евгеньевич и заговорщицки подмигнул Данилову. – Вы же видели, доктор, мою корову. Одно название, что женщина. Расплылась, не следит за собой совсем. А на пляже я сегодня с такой штучкой познакомился, – симулянт закатил глаза и восторженно поцокал языком. – И что самое главное – сразу же обо всем договорились. Вот уж и пришлось вас побеспокоить, извините. Это вам за беспокойство.

Артур Евгеньевич достал из кармана модных, концептуально драных джинсовых шортов пятисотрублевую купюру и протянул ее Данилову.

«Заткнись! – грубо велел выездному доктору начальник станции. – Я сам скажу, что надо».

– Когда-нибудь вам всерьез понадобится скорая помощь, – начал Данилов, стараясь говорить как можно спокойнее. – Но она опоздает...

– Почему? – удивленно спросил симулянт.

Удивление, однако, не помешало ему сунуть пятисотенную обратно в карман.

– По закону высшей справедливости, – ответил Данилов. – И в последнюю минуту вашей жизни вы вспомните сегодняшний случай. Непременно вспомните. И все поймете. Последняя минута – она такая. Все вспомните и все поймете. Кстати, мне кажется, что умирать вы будете в одиночестве. Женщины недолго живут с мужчинами, которые считают их «коровами».

– Креститься надо, если кажется! – Симулянт вложил всю обиду в громкий хлопок дверью.

– Бабушке своей так хлопни! – возмутился Юрий Палыч.

– Поехали! – скомандовал Данилов, доставая из кармана куртки телефон.

– Ой! – Лариса подскочила на переднем сиденье, заставив заколыхаться всю машину. – Владсаныч, миленький, можно пока вы отзваниваться будете, я до палаточки сбегать за булочкой. С голоду подыхаю, аж сил никаких нет!

Ларисина страсть к диминутивам поначалу раздражала не любившего сюсюканья Данилова. Но очень скоро он привык и даже нашел в этой привычке, поначалу казавшейся

ему скверной, определенную пользу. Уменьшительные формы помогали Ларисе налаживать контакт с пациентами, смягчали устрашающее впечатление, производимое ее монументально-брутальной внешностью. Лариса даже ругалась «диминутивно» – какашечка, паразитик, дятлик...

Не дождавшись разрешающего даниловского кивка, Лариса быстро выскочила, можно сказать что выпорхнула, из машины и исчезла из поля зрения. Вернулась спустя две минуты – Данилов только записал новый вызов, даже ручку в карман сунуть не успел – запыхавшаяся, но довольная.

– А где булочка? – поинтересовался Юрий Палыч, трогая с места.

– Булочка? – переспросила Лариса. – Ах, булочка! Не было моих любимых улиточек с маком, вот беда. Зря только пробегала.

– Я тебе куплю, пока вы на вызове будете, – пообещал добрый водитель. – Там как раз в соседнем доме магазин.

– Да не беспокойся, Юрочка, – отмахнулась Лариса. – Мне уже расхотелось. Меньше съешь – дольше проживешь.

– Я надеюсь, что на Центре сейчас не пишут уличный вызов на Вакуленчука, – сказал Данилов, будто бы думая вслух. – Мужчина, сорок, сотрясение головного мозга, множественные переломы...

– Скажете тоже! – обернулась Лариса. – Охота мне из-за такой г. няшечки фельдшером на зоне работать! Я его словом полечила. В рамках мировой женской солидарности! А то – корова! Сам, можно подумать, Аполлон Полведерский!

– Слово – лучшее лекарство, – поддакнул Юрий Палыч, привыкший всегда и во всем соглашаться с Ларисой.

– Заключение фельдшером работать не может, – сказал Данилов. – Только санитаром. Все, что выше, это «вольные» специальности.

– Все-то вы знаете, Владсаныч! – восхитилась Лариса. – С вами сутки отработать – все равно что в институте проучиться...

– Попрошу без подхалимажа, – улыбнулся Данилов.

– А что поделать, если человеку хочется стать главным фельдшером, – встрял Юрий Палыч. – Приходится говорить начальству комплименты.

Пока машина ехала, Юрий Палыч мог позволить себе поддеть Ларису. Знал, что во время вождения ни подзатыльника, ни тычка под ребро не получит. А пока машина доедет до места, незлопамятная Лариса отойдет.

– Мне нельзя в главные, – скромно сказала Лариса. – Добрая я очень, не могу руководить.

Юрий Палыч многозначительно хмыкнул. Выездной врач Данилов хотел было съехидничать, но начальник станции его остановил.

– Ой, что это я ляпнула? – заволновалась Лариса. – Владсаныч, миленький, вы не подумайте, это не намек в ваш адрес. Это я сдуру. Хотела сказать, что я слабохарактерная, потому и в начальники не гожусь. Мне всех жалко, а начальник должен быть... Ой, опять я не то говорю!

– Все нормально, – успокоил Данилов. – Я вот тоже никогда не думал, что стану главным врачом станции скорой помощи, да еще и в городе федерального значения...

Про город федерального значения Данилову рассказала жена. Он согласился возглавить станцию скорой помощи в Севастополе, не зная административно-подчиненных нюансов. Но Елена объяснила ему, что теперь между ним и министром здравоохранения будет на одну ступеньку меньше, чем между министром и ею. Стало быть, он теперь главнее ее. Данилов про себя усмехнулся, потому что ступеньки ступеньками, а масштабы масштабами. Под-

чиненных у московского директора регионального объединения² больше, чем у севастопольского начальника станции. Полномочий, в некотором смысле, тоже. Да и вообще мериться должностями с женой смешно. Данилов усмехался про себя, а Елена открыто радовалась – ну теперь, дорогой муженек, узнаешь на своей собственной шкуре, почем фунт лиха и вкусишь горькую сладость руководства. Дочь Маша переживала – как же папа станет жить один, ему же будет скучно. «Скучно не будет», – заверила Елена. Так оно и вышло. Скучать на новой работе было некогда.

– Я, собственно, всегда считал, что не гожусь в руководители, – продолжал свою исповедь Данилов. – И никогда не стремился. Все само собой получилось.

– А что вы в карточке прошлого вызова напишете, Владсаныч? – спросила Лариса, явно желая увести разговор подальше от скользкой темы. – Практически здоров?

– Засранцус верус,³ – пошутил Данилов.

– Настоящий засранчик, – перевела Лариса водителю, не знавшему латыни.

– Точный диагноз! – похвалил Юрий Палыч.

На следующем вызове, слушая причитания жены пациента, которому пришлось с приступом стенокардии ждать помощи почти час, Данилов мысленно пожелал симулянту Артуру Евгеньевичу много «хорошего». Гонорея шла первым номером в списке пожеланий и была самым легким из них...

– Между прочим, Владимир Александрович, этого крокодила можно привлечь по статье административного кодекса за заведомо ложный вызов специализированной службы? – спросила диспетчер центральной подстанции Света Михальчук, принимая у Данилова заполненные карты вызовов. – Номера статьи я не помню, а вот что штраф от тысячи до полутора помню точно.

Разочаровавшись в медицине, Света заочно училась на юридическом и не упускала случая блеснуть своими знаниями. По мнению Данилова, юрист из Светы должен был получиться хороший – умненькая, внимательная, дотошная, несмотря на худенькую комплекцию, производит солидное впечатление.

– Это ж сколько возни, – вздохнул Данилов. – Заявление в полицию, заявления на имя заведующего подстанцией от меня и Ларисы, показания давать, на суде выступать свидетелем... Интересно, если он москвич, то где будет суд?

– У нас будет, – уверенно сказала Света. – По месту совершения правонарушения.

– Так он тебе и приедет, жди, – усмехнулся Данилов.

– Тогда к нему будет применена... – с места в карьер завелась было Света, но присутствовавшая при разговоре Лариса оборвала ее на полуслове.

– Что ему твоя тысяча? – скривилась она. – Он – директор автосервиса. Владсаныч прав, нечего и связываться. Вот если бы его расстреляли, тогда другое дело.

– Лариса! – ахнула Света, всплескивая от удивления руками. – Ты ли это? Я тебя не узнаю. Если за каждый ложняк расстреливать...

Продолжения разговора Данилов слушать не стал. Скорпомощная работа быстро приучает ценить свободное время и использовать его с максимальной пользой. В любой момент может прозвучать труба, то есть – голос Светы из динамиков, разбросанных по всей подстанции: «Восьмая бригада, вызов! Вызов восьмой бригаде!». Если выдалась свободная минутка – подремли или поешь. Неизвестно же, когда вернешься на подстанцию. Концы в Севастополе недлинные, не московские, но и укомплектованность тоже не московская. Людей не

² Директор регионального объединения – руководитель объединения из нескольких подстанций Московской скорой помощи, расположенных по соседству друг с другом.

³ Verus (лат.) – истинный.

хватает, машин не хватает, поэтому и приходится скакать с одного вызова на другой без заезда на подстанцию.

Данилов так умотался, что есть не хотелось. А вот чашка крепкого чая пришлась бы весьма кстати. Данилов открыл шкафчик, который он делил с доктором Шарко (хотели, как начальнику, выделить отдельный, но Данилов отказался из принципа) и привычно улыбнулся. На верхней полке, занимая чуть ли не половину ее, лежало огромное красное яблоко, уже и не вспомнить какое по счету. Неведомый благодетель поставил Данилова на довольствие в первые же рабочие сутки на линии. Заглянув в шкафчик в середине дня (по утрам сюрпризов не было), Данилов находил там яблоко. Крупное, отборное яблоко, похожее размерами на маленький арбуз. И очень вкусное. Изредка вместо яблока добрая рука могла положить персик или грушу. Персики с грушами тоже были крупными и вкусными. Данилова очень интересовало, кто это так мило и столь скрытно проявляет о нем заботу. Он пытался вычислить благодетеля логическим путем, присматривался к другим сотрудникам – уж не ест ли кто похожие яблоки, несколько раз пробовал анализировать время отъезда и прибытия других бригад, но так ничего и не добился. Диспетчеры менялись, линейные сотрудники тоже менялись, но фрукты появлялись в шкафчике на каждом дежурстве. Соседу по шкафчику доктору Шарко никто сюрпризов не подкладывал, Данилов уточнял. Поневоле поверишь в волшебство при таких делах.

«Люди здесь хорошие, – привычно подумал Данилов, надкусывая яблоко. – Впрочем, люди везде хорошие. А вот начальство здесь не ахти... Впрочем, начальство везде не ахти...».

Самого себя главный врач севастопольской станции скорой медицинской помощи к начальству не относил, потому что «начальство» было у него категорией классовой, а не иерархической.

Глава вторая

Четвертый

Интригу заведующего кафедрой Данилов раскусил не сразу. Догадка мелькнула в голове за день до отъезда в Севастополь, во время прощального застолья с коллегами, теперь уже бывшими. Секретарша шефа Ирочка после третьего бокала вина проболталась, что на место Данилова Олег Тарасович пригласил, точнее – переманил, сотрудницу кафедры АИР⁴ из Университета дружбы народов.

– Ноги отсюда, – Ирочка провела ребром ладони в области четвертого или пятого межреберья. – Грудь во! – Ей пришлось отодвинуться от стола, чтобы показать руками размер. – Глазищи – во! – Ирочка приложила к лицу две тарелки, не заметив, что на одной из них лежала нарезанная ветчина. – И локоны рыжие по плечам. Очень эффектная особь!

– Да, очень, – подтвердил ассистент Скибкарь, демонстрируя всем фотографию на экране своего телефона.

Пока Ирочка описывала новую сотрудницу, он успел найти ее фотографию в сети.

– Эффектная! – подтвердил ассистент Сааков. – Ничего не скажешь, хорошая рокировка. Ну Тарасыч, ну дипломат... Ловко место освободил.

– При желании он любого из нас мог бы уволить, – рассудительно заметил Данилов, предпочитавший думать о людях хорошо. – Без особых проблем. Зачем ему устраивать столь сложные, как ты выражаешься, «рокировки»? Так что давайте не будем делать скоропалительных выводов. Шеф просто решил с максимальной выгодой использовать освободившуюся ставку. Я бы на вашем месте порадовался тому, что не придется брать мою нагрузку на себя.

– Еще как придется! – хмыкнул Сааков. – Она станет с Тарасычем по конференциям ездить, а мы занятия за нее вести и статьи писать.

– Только это пока секрет! – беспокоилась Ирочка. – Строго между нами! Пока Олег Тарасович нам ее не представит, мы ничего не знаем... Ш-ш-ш!

Данилов мог бы поставить все сокровища мира против десяти копеек на то, что завтра к полудню новость разнесется по всей академии.

Елена, узнав от Данилова подробности, покачала головой и сказала:

– Шустер и хитер твой Тарасыч.

– Он уже не мой, – ответил Данилов. – Но шустер, этого у него не отнять.

История с назначением и впрямь получилась необычной. Неожиданной, нестандартной, в фирменном даниловском стиле. Началось с того, что в один чудесный январский день, когда на улице соперничали мороз и солнце, заведующий кафедрой сказал Данилову, что завтра в двенадцать его ждут в Министерстве здравоохранения. При этом Олег Тарасович весьма загадочно улыбался и заговорщицки подмигивал. Данилов даже принял к воздуху в кабинете – уж не навеселе ли шеф? – но в кабинете пахло только дорогим одеколоном.

– Там все узнаете, – сказал заведующий кафедрой на вопрос о причине вызова. – Не хочу играть в «испорченный телефон».

Никакой вины Данилов за собой не знал, да и не был бы шеф в случае вины благодушно-улыбчивым, поэтому после недолгих размышлений он решил, что причиной вызова в министерство стал грядущий юбилей Олега Тарасовича – двадцать лет заведования кафедрой. Явно в министерстве намереваются поручить подготовку к юбилею кому-то из сотрудников кафедры, а сам шеф из скромности, притворяется будто бы он ничего не знает. Объ-

⁴ Анестезиологии и реанимации.

яснение было притянута за уши, но ничего лучше Данилов придумать не смог. С Еленой догадками делиться не стал и вообще ничего ей не сказал. Решил, что расскажет после.

Шеф проявил благородство, отпустив Данилова на весь день, поэтому в министерство Данилов явился свежим как огурчик. Проспал до девяти часов, неспешно позавтракал, сыграл с дочерью в домино, короче говоря – тянул время, как мог, но все равно приехал на Трубную площадь в двадцать минут двенадцатого. Погулял по бульвару, проветривая голову перед высочайшей аудиенцией (так он называл предстоящую встречу) и ровно без пяти двенадцать предстал перед миловидной секретаршей заместителя директора департамента организации медицинской помощи Грачкина.

Грачкин, по своей должности представлявшийся Данилову пожилым и надменно-величественным, оказался молодым и демократичным. Вышел из-за стола навстречу, энергично пожал руку, велел секретарше принести кофе и с места в карьер огорошил:

– Есть мнение, Владимир Александрович, назначить вас главным врачом станции скорой помощи...

Данилов машинально тряхнул головой, отгоняя наваждение.

– ...города Севастополя. – Грачкин сделал небольшую паузу, за время которой Данилов успел ущипнуть себя за ногу, а затем спросил: – Что скажете?

– Главным врачом станции скорой помощи города Севастополя? – только и смог сказать Данилов.

– Да, главным врачом станции скорой помощи города Севастополя, – терпеливо повторил Грачкин и сразу же начал соблазнительно вещать о том, какая это перспективная должность. Закончив нахваливать должность, похвалил крымский климат и выжидательно уставился на Данилова. Круглые очки придавали широкоскулому лицу Грачкина сходство с совой, только вот совы не бреют голову. Подумав об этом, Данилов не смог сдержать улыбки.

– Вы улыбаетесь, а значит, вы согласны, – констатировал Грачкин. – Или не согласны?

– Я не знаю, что и сказать, – Данилов виновато пожал плечами, – все так неожиданно.

– Тогда скажите правду, – Грачкин откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. – Что вы думаете о моем предложении?

Правду так правду.

– У меня сложилось мнение, что руководящих постов принято добиваться, – сказал Данилов. – Различными путями. А если вызывают и предлагают на блюдечке, то жди подвоха. Это первое. И второе – почему, собственно, я? У меня же нет абсолютно никакого руководящего опыта. Эпизодические замещения заведующего отделением не в счет.

– Вы – кандидат наук, ассистент кафедры... – начал перечислять Грачкин.

Кандидатом и ассистентом Данилов стал три месяца назад и пока еще не успел привыкнуть к своим новым «титулам».

– ...у вас большой практический опыт и широкий кругозор...

– А вы в курсе, насколько он широкий? – на всякий случай уточнил Данилов.

– В курсе, – усмехнулся Грачкин. – Я имею обыкновение принимать решения после сбора и анализа информации. Ваши былые шатания значения не имеют. Что было, то прошло. Важно то, что вы четыре года работаете на кафедре и Олег Тарасович отзывался о вас очень хорошо, – на слове «очень» Грачкин сделал ударение. – А Олегу Тарасовичу понравиться нелегко. Это я знаю на личном опыте. Он был моим научным руководителем. Что же касается опыта, то это дело наживное. Все когда-то начинали с нуля. Важно то, что вы долгое время работали на «скорой», стало быть знаете все нюансы. Причем вы работали на московской «скорой», лучшей станции в России нет. С другой стороны у вас не замылился взгляд на руководящей работе. Это тоже важно. Короче говоря, Владимир Александрович, мне вы кажетесь подходящей кандидатурой.

– У меня неуживчивый характер.

– Олег Тарасович меня предупредил, – кивнул Грачкин. – Он сказал, что вы человек с принципами, но при том полностью вменяемый.

«Надо запомнить, – подумал Данилов. – Расскажу Елене, как меня ценит начальство».

– Что же касается подвоха, – Грачкин встал и начал расхаживать по кабинету, – то никакого подвоха нет. Есть сложный участок на котором уже сменилось три руководителя. Не справились. Вам предстоит стать четвертым. Севастопольская станция скорой помощи, можно сказать, восстала из руин, и это восстание... то есть вставание... Короче говоря, там еще очень многое предстоит сделать. Работы много, работа сложная, сразу предупреждаю – будет нелегко. Но эта должность может стать для вас превосходным трамплином. Если вы справитесь, это непременно оценят по достоинству. Это замечательный шанс, тот самый, который выпадает раз в жизни. Советую вам его не упускать.

Грачкин вернулся в свое кресло, достал из ящика стола черную пластиковую папку, раскрыл ее и сказал:

– Сейчас я ознакомлю вас с цифрами...

– Прошу прощения, – перебил Данилов. – А можно узнать, за что именно сняли трех главных врачей?

– Двоих, – поправил Грачкин. – Двоих сняли потому, что они не справились. А одного посадили, потому что он вдобавок путал государственный карман со своим. Деньги в Крым вливаются большие, соблазн велик... Кстати говоря, Олег Тарасович сказал, что вы не стяжатель. Ни со студентов, ни с пациентов не тянете денег. Это, знаете ли, большой плюс.

– Но и соблазны тоже велики, – позволил себе шутку Данилов.

– Все зависит не от размера соблазна, а от человека, – строго заметил Грачкин.

Он захлопнул папку и резко отодвинул ее от себя, видимо передумал знакомить Данилова с цифрами. Данилов обрадовался, подумав, что разговор окончен. Но радость была преждевременной. Грачкин ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, повертел головой, затем выпил залпом уже остывший кофе (оба за разговором совершенно забыли о принесенных секретаршей чашках) и пожаловался уже не деловым, а душевно-приятельским тоном:

– Мне эта севастопольская «скорая» как шило в одном месте. Того и гляди инфаркт с ней заработаю. Порядочным людям неинтересно, умные связываться не хотят, понимают, сколько всего придется перелопатить в этих авгиевых конюшнях. А воры и дураки там не нужны. Я же, собственно, на вас случайно вышел. Пожаловался Олегу Тарасовичу, а он сказал, что у него на кафедре есть подходящий человек. Расставаться, сказал, ему с вами не хочется, но раз уж такое дело... Я знаю, что у вас семья, дочка маленькая. Но я же не навечно предлагаю переселиться в Севастополь. Речь идет о небольшом сроке – год или полтора. Наладите работу, подготовите себе замену и вернетесь в Москву. И уже не на кафедру к Олегу Тарасовичу, а на высокую руководящую должность.

«Боже упаси!» – ужаснулся такой перспективе Данилов.

Видимо, что-то отразилось на его лице, потому что Грачкин добавил:

– А если захотите, то и на кафедру. Олег Тарасович примет вас с распростертыми объятиями. Я просто хотел сказать, что человеку, который сумеет наладить работу на таком сложном участке, можно будет без сомнений поручить руководство крупным стационаром или чем-то еще в этом роде. Но не будем загадывать. Пока речь идет о том, согласитесь ли вы нам помочь.

Коварный ход возымел действие. Данилов хотел поблагодарить за оказанное ему доверие и отказаться, но неожиданно для себя самого сказал:

– Хорошо, я согласен.

«Что я несу?» – подумал он и хотел исправить оплошность, но не успел. Грачкин проворно выбежал из-за стола, снова жал руку, наговорил кучу восторженных слов, а потом

позвонил какой-то Ладочке и сказал, что можно готовить приказ на Владимира Александровича Данилова. Пришлось Данилову утешаться заезженным постулатом, который гласит, что все, что ни делается, – к лучшему. Если уж надо, так надо. Попробовать, во всяком случае, стоит, попытка – не пытка. Зато Марию Владимировну можно будет продержат в Крыму с мая по октябрь, когда с мамой, а когда с няней. Ей это пойдет на пользу, реже болеть станет и вообще будет приятно. Море Мария Владимировна уважала сильно...

– Чую, Данилов, рано или поздно буду я спать с министром здравоохранения! – сказала Елена после того, как Данилов трижды поклялся на руководстве по клинической анестезиологии, что говорит правду и только правду.

– Только попробуй! – строго предупредил Данилов, притворяясь, будто не понял шутки. – Я тебе этого не прощу.

– Данилов! – Елена испытующе прищурилась. – А ведь ты знал, что что-то такое будет! Или – чувствовал. Операцию наконец-то сделал, диссертацию защитил...

– Диссертацию я защитил, потому что на кафедре без этого никак, а операцию сделал, когда созрел, – Данилов слегка притопнул левой ногой. – Протезирование коленного сустава – это же не вскрытие абсцесса. Статистика сама знаешь какая. Что же касается дара провидения, то он у меня начисто отсутствует. А жаль. Хотелось бы знать все наперед, чтобы соломку подстилать...

Глава третья

Это Крым, детка!

Город федерального значения Севастополь встретил Данилова неласково – дождем и ветром. Данилов, всю дорогу от симферопольского аэропорта усердно настраивавшийся на позитив, убедил себя в том, что дождик – к счастью, а ветер надует ему удачу. Удача на новом месте была очень нужна. Не на опыт же полагаться. Трехнедельная стажировка на московской станции, в ходе которой Данилова учили руководить правильным образом, и бесконечные советы Елены зря не пропали. Данилов представлял, что и как ему следует делать. Но все равно волновался. Примерно так, как волновался перед первыми самостоятельными сутками на «скорой». Тогда провидение круто поиздевалось над свежеиспеченным линейным врачом Даниловым. Две автомобильные аварии, одно падение с высоты, отек легких, ножевое ранение брюшной полости, астматический статус, «белочка», стыдливо замаскированная под «плохо с сердцем»... «Тебе только родов в машине не хватало», – хором посочувствовали на пятиминутке коллеги. И накаркали, черти, на следующем дежурстве пришлось принять роды. Провидение неблагосклонно к новичкам, любит сразу же макнуть их с головой в ту субстанцию, в которую они неосторожно наступили. Что же будет сейчас?

Перед отъездом Данилов хорошенько порылся во Всемирной паутине, собирая сведения о состоянии севастопольского здравоохранения. Цифры цифрами, но на одних цифрах правильного мнения не составить. Нужны личные впечатления, рассказы очевидцев. Впечатления были разными, но суть их сводилась к тому, что Данилову сказали в министерстве. Положение сложное, можно сказать – аховое. Работы Данилов не боялся, он боялся по неопытности сделать еще хуже. Елена хвалила его за эти опасения. Говорила, что боязнь напортачить является залогом принятия правильных решений.

– Как только захочешь посоветоваться – звони, – сказала жена на прощание. – В любое время, хоть днем, хоть ночью.

Данилов пообещал, что будет звонить в любое время, но про себя решил, что советоваться с Еленой не станет. От заочных советов мало толку, да и вообще это отдает школярством. В случае необходимости можно посоветоваться с непосредственным начальством – директором департамента здравоохранения Севастополя или кем-то из заместителей. С директором департамента Эллой Аркадьевной Масконовой Данилов еще в Москве познакомился заочно, благо на сайте департамента была ее биография. По датам обучения в институте Данилов высчитал, что Элле Аркадьевне сорок восемь лет или немного больше, если она поступила в институт не сразу же после окончания школы. Доктор медицинских наук, профессор, кардиолог. Прежнее место работы – главный врач областного кардиологического диспансера в Ростове. На фотографиях Элла Аркадьевна выглядела значительно моложе, лет на тридцать пять, не больше. Красивая, с правильными чертами лица, взгляд открытый, на губах едва заметная улыбка. И если «официальную» фотографию, размещенную на сайте департамента, еще могли как следует отфотошопить, убрав морщины и прочие признаки возраста, то вряд ли кто-то стал бы колдовать над фотографиями, размещенными на посторонних сайтах. Об Элле Аркадьевне писали много и писали разное. Плохого, как и положено, писали больше, чем хорошего. Данилов плохому значения не придавал, поскольку на собственном горьком опыте успел убедиться, как журналисты могут подтасовывать слова и факты для получения нужного им материала.⁵ Подумал заодно, что о нем сейчас тоже начнут много чего писать, и порадовался тому, что Никита уже совсем взрослый, студент, он вранью

⁵ Подробнее об этом можно прочесть в книге «Доктор Данилов в кожно-венерологическом диспансере».

не поверит, а Мария Владимировна еще мала, газет не читает и по Сети не шастает. А то был случай на кафедре, когда журналистка, обидевшись на то, что ее мать в кардиологическом отделении шестнадцатой городской больницы не положили в отдельную палату, написала в «Столичный пустословец» статью, в которой прошла по всем, кто имел несчастье быть причастным к процессу. В том числе досталось и доценту кафедры Паршину, который дважды консультировал мамашу журналистки в реанимационном отделении. Паршин якобы делал журналистке намеки на то, что его консультации стоят денег, а не получив желаемого, осматривал ее мать халатно, на бегу. Из-за этой статьи у Паршина возникли проблемы с сыном-восьмиклассником. Тот, с присущим всем подросткам максимализмом, заявил, что ему стыдно за отца и наговорил бедному Паршину много чего еще. Довел бедного доцента до гипертонического криза. Можно понять – мало того, что в академии и в больнице тебе без вины виноватому косточки перемывают, так еще и дома от родного сына упреки выслушивать. Газету потом заставили напечатать опровержение, но оно, как принято, было напечатано мелким шрифтом на последней странице. А статья с броским заголовком «Врачигубители» была на первой с переходом на третью. Главврач шестнадцатой больницы хотел засудить журналистку-кляузницу, чтобы другим неповадно было, но оказалось, что та стоит на учете в ПНД с диагнозом «шизофрения». Что толку с такой судиться?

Как скоро выяснилось, севастопольский ветер не нагонял удачу, а наоборот – отгонял ее. В гостинице забыли про даниловское бронирование и долго выясняли, кто в этом виноват. Потом заселили, тем более, что не в сезон свободных номеров была куча, но настроение уже слегка испортилось. Дело шло к вечеру, погода была совершенно не прогулочной, но сидеть в номере было тоскливо. Отзвонившись жене, Данилов спустился в ресторан при гостинице. Хотелось отведать чего-то местного, морского, рыбного, но из морского в меню был только салат «Мечта моряка» – вариант оливье с креветками.

– Не сезон, – коротко объяснил хмурый официант и посоветовал Данилову взять стейк.

Хорошо зная, что советам официантов следовать не стоит, ибо советуют они всегда то, от чего повару хочется поскорее избавиться, Данилов вместо стейка заказал баранину с овощами-гриль и бокал местного мерло, чтобы скоротать время в ожидании баранины. Судя по всему, после получения заказа повар поехал за бараниной на рынок, потому что принесли ее только через час. Но скучать Данилову не пришлось, потому что каждые пять минут к нему за столик подсаживалась очередная юная дева с предложением приятно провести время. Фразы были стандартными, как пароли разведчиков.

– Мужчина, не хотите отдохнуть? Я работаю.

– Спасибо, нет.

– Ну как хотите.

Впрочем, некоторые вместо «ну как хотите», говорили: «ваше дело».

Небольшой зал ресторана был пуст. Девы появлялись из одной двери и выходили в другую. Очень скоро Данилову начало казаться, что он проводит какой-то безумный кастинг. Отклонив очередное предложение, он надеялся, что на этом уж все закончится, но ошибался. Искустельницы шли косяком. Когда официант принес долгожданную баранину, Данилов попросил принести еще вина и поинтересовался, сможет ли он поесть спокойно. Официант флегматично кивнул, давая понять, что все будет в порядке, и ушел. Больше никто Данилова не беспокоил. Закончив ужин, он попытался было высунуть нос на улицу, но сразу же понял, что приятное впечатление от ужина вот-вот улетучится. Пришлось вернуться в номер и включить телевизор.

Около десяти часов вечера позвонила Елена.

– Как первый вечер в Крыму? – бодрым голосом спросила она.

– Скучно, – пожаловался Данилов.

– Насладись скукой досыта, – посоветовала жена. – Будешь потом вспоминать этот вечер как праздник души и именины сердца. Сидишь себе спокойно, никто тебя не дергает, никому ты не нужен, можно книжку почитать или поиграть на скрипке...

«Скрипка!», – осенило Данилова. Точно! Как он мог забыть про скрипку, которую в Москве упаковывал около часа для того, чтобы она доехала в целости и сохранности. Сначала обернул в пупырчатую пленку саму скрипку. Положив скрипку в футляр, запеленал и его, а футляр в чемодане тщательно обкладывал мягкими вещами. По уму, конечно, надо было купить для скрипки специальный прочный кейс, но Данилов начал собираться вечером, накануне отъезда, когда уже было поздно метаться по магазинам.

Скрипка доехала в целости и сохранности. Шел одиннадцатый час, поэтому Данилов сходил к дежурной узнать обстановку.

– Репетируйте хоть до утра, – махнула рукой дежурная. – У нас замечательная звукоизоляция. При закрытых дверях и окнах можно свиней резать, а не то чтобы на скрипке играть. А вы где выступать будете? В цэкеи или в матросском клубе?

– Нигде, – разочаровал добрую женщину Данилов. – Я не артист, а любитель. Играю для себя.

– Странно, – покачала головой дежурная. – А лицо ваше мне откуда-то знакомо. Так вы совсем не артист?

– Совсем-совсем, – подтвердил Данилов. – И никогда им не был.

Несмотря на хорошую звукоизоляцию, играл Данилов тихо, едва касаясь смычком струн. Основную партию в ночной серенаде исполнял дождь, барабанивший по оконным откосам.

Утром ярко светило солнце. О вчерашней непогоде напоминали только не успевшие высохнуть лужи. «Добрый знак, – подумал Данилов, глядя на ясное небо. – Приятно начинать в такой славный день». Не успел он отойти от гостиницы, как получил еще один знак свыше. Пролетавший мимо голубь нагадил на плечо, да так обильно, что влажными салфетками оттереть грязь не удалось. Изведя всю пачку, Данилов вернулся в номер и отмыл куртку под краном. Надел мокрую, надеясь, что по дороге пятно высохнет, и пошел пешком в первую городскую больницу, на территории которой находился департамент здравоохранения. По дороге Данилов глазел по сторонам, знакомясь с городом, и думал: есть ли преимущества в том, что департамент располагается на больничной территории? Решил, что никаких. Начальству по большому счету все равно, где сидеть, а больнице такое соседство ни к чему. Много лишних людей ходит по территории, и у недовольных пациентов или их родственников велик соблазн пойти с жалобой не к главному врачу или кому-то из его замов, а напрямую в департамент. Сотрудникам больницы не позавидуешь, однозначно.

На вопрос о том, где находится департамент, охранник у больничных ворот указал направление рукой и сказал:

– Вон там. Двухэтажное здание. Необшарпанное.

Нужный корпус Данилов нашел без труда. Он действительно оказался единственным необшарпанным и асфальт вокруг него был ровным, без ям и трещин. Остальная больничная территория выглядела не лучшим образом. В какой-то момент Данилову показалось, будто бы он перенесся на двадцать с лишним лет назад и идет по территории шестьдесят восьмой московской больницы. Для полноты картины не хватало только крыс возле мусорных баков, и таковые обнаружили в количестве трех штук. На загородке, закрывавшей баки только с одной боковой стороны, было кривовато написано черной краской: «Это Крым, детка!».

Если на улице на Данилова нагадил голубь, то в департаменте ему нахамил охранник. Данилов и рта раскрыть не успел, когда услышал, что с жалобами надо идти на Острякова. Объяснить, что он пришел не с жалобой, а по делу, удалось не сразу. В ходе переговоров

Данилов услышал в свой адрес несколько неласковых слов, из которых наименее обидным было «бестолковый», но сам отвечать грубостью на грубость не стал.

– Что же вы сразу-то не сказали, что вы новый главврач «скорой»? – укорил охранник, переписывая данные из даниловского паспорта в свой засаленный журнал. – Столько времени напрасно потеряли.

– Я пытался объяснить, – сухо напомнил Данилов.

– Пытался! – скривил губы охранник. – Плохо пытались, раз я вас не понял. Как же вы людьми руководить собираетесь, если элементарных вещей объяснить не можете?

«Спокойно, Вольдемар! – велел себе Данилов. – Одно из основных качеств руководителя – это способность сохранять спокойствие в любой ситуации. Вот и тренируйся, пока есть возможность». В своем похвальном намерении Данилов дошел до того, что, получив паспорт, церемонно сказал:

– Благодарю вас.

Охранник недовольно поморщился, приняв непривычные слова за издевку.

Перед тем как войти в приемную директора департамента, Данилов недолго постоял у окна в коридоре, желая собраться с мыслями. Но собраться не получилось, потому что в голове звучала рефреном фраза: «Это Крым, детка!.. Это Крым, детка!.. Это Крым, детка!..».

– Да, это Крым, – сказал вслух Данилов. – И что с того?

Проходящая мимо девушка удивленно посмотрела на него. Данилов улыбнулся ей. Девушка отвернулась и ускорила шаг. «Это – Крым! Это – Крым! Крым! Крым! Крым!», – стучали ее каблучки.

Глава четвертая

Эллочка-людоедка

Директора департамента здравоохранения Эллу Аркадьевну подчиненные прозвали Эллочкой-людоедкой. Не столько за кровожадность, хотя это качество у нее было выражено довольно сильно, сколько за стремительность в решении кадровых вопросов. Был человек – и нет его. Когда-то Элла Аркадьевна хотела стать хирургом, но не вышло – в клиническую ординатуру вместо нее взяли сына проректора. Ничего, умный человек и в терапевтах не пропадет. Элла Аркадьевна стала кардиологом, защитилась раз, другой, доросла до главного врача областного кардиологического диспансера – не шутка! – но сквозь годы пронесла склонность к хирургическому радикализму, который предписывает не лечить, а удалять. Резать к чертовой матери, и никаких вопросов! В Ростове, где Элла Аркадьевна училась и выбивалась в люди, ее прозвали Железной Леди. Это прозвище Элле Аркадьевне импонировало. Она иногда и сама себя так называла. А вот «Эллочка-людоедка» бесила невероятно. Сразу по трем причинам. Во-первых, «Эллочка» звучало фамильярно, а фамильярности Элла Аркадьевна на дух не переносила. К ней даже некоторые из любовников обращались на «вы». Во-вторых, «людоедка» звучало грубо, вульгарно и совершенно не подходило утонченной, аристократичной Элле Аркадьевне. В-третьих, книжная Эллочка-людоедка была круглой душой со скудным словарным запасом, а Элла Аркадьевна считала себя очень умной. Причем считала не без оснований. В Крыму еще результаты референдума подвести не успели, а Элла Аркадьевна уже просчитала перспективу и нажала на все возможные рычаги, начиная с бывшей однокурсницы, доросшей до директора департамента мониторинга и стратегического развития Минздрава, и заканчивая экс-любовником, который был заместителем начальника Главного госпиталя внутренних войск МВД. Министр здравоохранения Ростовской области на радостях от того, что может избавиться от главной своей конкурентки, дал Элле Аркадьевне самые превосходные рекомендации. Вероятные соперники еще толкались на старте, когда Элла Аркадьевна уже была у финишной ленточки. Крым привлекал ее тем, что сюда неминуемо должны были вливаться нешуточные деньги и тем, что спустя некоторое время отсюда можно было уйти куда-нибудь на повышение. На меньшее, чем должность начальника отдела в Минздраве, Элла Аркадьевна не рассчитывала. Но ключевым словом было не «повышение», а «уйти». Когда создаешь или восстанавливаешь, очень важно вовремя уйти, пожав плоды своей кипучей деятельности. А те, кто придет, пусть расхлебывают кашу, с которой Элла Аркадьевна успела снять все пенки. Главное – уйти в нужный момент. С почетом и при полном своем интересе.

Сначала все шло гладко, потому что в делах царил полный хаос, а всем известно, что крупная рыба хорошо ловится в мутной воде. Элле Аркадьевне удалось назначить своим первым заместителем своего старого приятеля Остапа Сахно, которого она знала со времен аспирантуры. Остап давно оставил медицину и занялся оптовой торговлей лекарственными средствами и медицинской техникой. В последнее время дела у него шли не очень хорошо, поэтому он с радостью принял предложение Эллы Аркадьевны. Свой бизнес Остап формально передал жене, иначе не смог бы поступить на госслужбу. Взяв Остапа в заместители, Элла Аркадьевна одним выстрелом убила двух зайцев – обзавелась верным, надежным помощником и получила возможность пропускать через подконтрольные ей фирмы Сахно все закупки своего департамента. Это ли не удача? На должность начальника отдела организации лекарственного обеспечения Элла Аркадьевна назначила Снежану Мухину, которая при старом режиме заведовала аптекой в первой больнице. В Мухиной Элла Аркадьевна с первого взгляда распознала жадную дуру. Жадность гарантировала послушание, а

отсутствие ума позволяло надеяться на то, что Муха-Цокотуха (так прозвала Мухину Элла Аркадьевна) не станет подсиживать свою начальницу и благодетельницу. На совещании с главными врачами севастопольских больниц Элла Аркадьевна объявила, что департамент собирается работать только с проверенными, надежными поставщиками и что без одобрения ее первого зама ни один контракт подписан не будет. Главврачи покивали, но на деле стали испытывать систему на прочность, пытаясь тихой сапой пропихивать контракты со своими поставщиками. Оно и ясно – кому хочется терять проценты? Но Сахно быстро отучил их от таких подлянок. За лихое обращение с кадрами и по созвучию фамилий его прозвали Батькой Махно. Но в бочке меда оказалась большая ложка дегтя. Дура Мухина не смогла организовать бесперебойные поставки медикаментов, потому что работа с заявками у нее была поставлена из рук вон плохо. Очень скоро, месяца через три, в больницах стало кое-чего не хватать. Главврачи, недовольные тем, что руководство департамента лишило их возможности зарабатывать на контрактах, сразу же начали вопить о том, что в городе сложилась критическая ситуация – в больницах нет самых необходимых лекарств. Надеялись, дряни этакие, что поднятый шум выбьет Эллу Аркадьевну из кресла, но ошиблись. Элла Аркадьевна усидела на своем месте, а вот трое зачинщиков – главный врач онкологического диспансера, главный врач детской психиатрической больницы и главный врач Центра охраны матери и ребенка – лишились своих должностей. Остальные руководители усвоили урок и притихли, но посеянные ими зерна дали буйные всходы. Население, которое после референдума стало очень активным в политическом смысле, начало бурно протестовать против недочетов в системе здравоохранения. Каждый пустяк вызывал волну народного гнева. Любой шаг истолковывался превратно. Например, когда Элла Аркадьевна заняла под департамент один из корпусов первой городской больницы, ее обвинили чуть ли не в рейдерском захвате здания. Выжила, мол, под предлогом ремонта, сосудистый центр, вроде как временно, а потом въехала сюда сама. Как будто Элла Аркадьевна старалась для себя одной! Как будто сотрудники департамента не заслуживают того, чтобы работать в нормальных условиях. Какая-то сволочь дошла до того, что взломала компьютер заместительницы Эллы Аркадьевны по экономике и выложила в сети сведения о том, во что обошелся ремонт корпуса первой больницы и по каким ценам приобретаются кое-какие препараты. Объясниться по поводу ремонта было не очень сложно, а вот закупки доставили хлопот. Публично покаявшись в том, что недостаточно жестко контролировала закупочную деятельность, Элла Аркадьевна посетовала на то, что все цепочки закупок приходится выстраивать с нуля, а это дело долгое и сложное, и пообещала принять самые решительные меры. Зам по экономике и начальника отдела организации лекарственного обеспечения получили по строгому выговору, а одного из сотрудников Мухи-Цокотухи пришлось принести в жертву – уволить по статье. Сотрудник был толковым и лояльным, против принесения себя в жертву не возражал, понимал, что так надо, поэтому, когда шум утих, Элла Аркадьевна взяла его в отдел лицензирования.

Скандалы, что цепная реакция. Стоит только начаться и конца им не будет. Сама того не желая, Элла Аркадьевна, оказалась втянутой в конфликт между губернатором и председателем Законодательного собрания. Обе стороны палили друг по другу из всех орудий. В частности, председатель Законодательного собрания обратил внимание общественности на то, что программа модернизации севастопольского здравоохранения выполняется через пень-колоду. Кто-то из его помощников подготовил паскудную таблицу по закупленному департаментом медицинскому оборудованию. Помимо сравнения среднерыночных цен с закупочными в таблице указывалось, что из приобретенного оборудования используется, а что нет. Использовалась лишь малая часть, поскольку для Эллы Аркадьевны важнее было купить, чем ввести в эксплуатацию. У умных людей свои приоритеты, у дураков свои. Обнародование таблицы совпало с инспекционным приездом заместителя министра здравоохранения. Почти одновременно в Москве была уволена директор департамента мониторинга и стра-

тегического развития Минздрава, бывшая однокурсница Эллы Аркадьевны. Потеря была огромной, потому что больше никого из своих у Эллы Аркадьевны в Минздраве не было. К крупным проблемам добавилось несколько мелких – недостаточное обеспечение льготников жизненно важными препаратами, уголовное дело, открытое на главного врача станции «скорой помощи», который наглейшим образом списал, как негодные, и продал на сторону двенадцать из двадцати полученных им новых автомобилей для бригад. Ну какой идиот станет списывать новые, не введенные в эксплуатацию машины? Дал бы им поездить полгодика и тогда бы уже начал списывать. И не двенадцать чохом, а по одному или по два. Ситуация складывалась неблагоприятная, но Элла Аркадьевна устояла, точнее – усидела в своем кресле. Но с предупреждением о неполном служебном соответствии, пока что устным, высказанным заместителем министра с глазу на глаз. На высочайшее недовольство Элле Аркадьевне было наплевать. На то и инспекция, чтобы находить недостатки и делать клизмы. Главным было то, что она усидела. В течение ближайших двух лет Элла Аркадьевна никуда уходить не планировала. Если же ситуация позволит, то можно и третий год поработать. А потом уйти, потому что уходить надо вовремя. В Москву, в министерство, на повышение.

Надо было срочно реабилитироваться, поскольку дважды о неполном соответствии предупреждать не принято. А реабилитироваться означало сделать нечто особенное, выдающееся, грандиозное. Укрепить пошатнувшуюся репутацию и, конечно же, что-то заработать. Элла Аркадьевна неделю ломала голову и никак не могла придумать, что бы ей сделать. Погружаясь в сложные раздумья, Элла Аркадьевна особенно остро ощущала свое одиночество. Ни мужа, ни детей, ни родственников, одна лишь двоюродная сестра есть на белом свете, да и та живет в Канаде, и отношения с ней сведены до обмена праздничными поздравлениями. Друзей, настоящих, таких, которым можно все доверить, у Эллы Аркадьевны тоже не было, а с любовниками она никогда не откровенничала – не было смысла. Элла Аркадьевна привыкла доминировать повсюду, в том числе и в постели, поэтому любовников подбирала недалеких. Сама шутила, что хороший любовник должен иметь семь пядей не во лбу, а в другом месте.

Решение, как это часто бывает, пришло к Элле Аркадьевне во сне. Она увидела сцену из собственного детства. Маленькая Элюся сидела за столом в гостиной и сосредоточенно лепила из пластилина зубные протезы для плюшевой собачки Глаши. Ничего странного для дочери лучшего в Ростове зубного техника в этом занятии не было. Протезы выходили кривоватыми. Элюся нервничала, пыталась их выровнять, но у нее ничего не получалось. Но вдруг к ней подошел отец, взял пластилиновые протезы, смял их и в мгновение ока вылепил из пластилинового колобка два идеально ровных протеза... «Нужна грандиозная реорганизация!», – подумала Элла Аркадьевна и проснулась. И как она раньше не догадалась?

На вопросы «что?» и «как?» ответ был готов сразу – надо ликвидировать первую городскую больницу и создать на ее базе современный клинический центр. СКЦ – севастопольский клинический центр. Или СЦЗ – севастопольский центр здоровья. Не перепрофилировать, а именно ликвидировать. Сотрудников с пациентами разогнать по другим больницам и поликлиникам, снести старые корпуса, выстроить новые, оснастить... От сладостного предвкушения в животе у Эллы Аркадьевны запорхали бабочки, а левая ладонь зачесалась – к деньгам. Опять же этот процесс на долгое время заткнет рты недовольным. Такое огромное дело делаем, надо потерпеть... С какой стороны ни взгляни, везде хорошо! Этим-то гениальные идеи отличаются от просто хороших. А сразу же после открытия центра можно и нужно будет уходить. Победительницей!

Пока в управлении организации медицинской помощи готовился проект, Элла Аркадьевна сменила главного врача первой больницы, причем сменила с шумом, демонстрируя свою решимость бороться с недостатками, невзирая на лица. Устроила внезапную проверку,

к участию в которой привлекла журналистов – пусть все всё видят, я не собираюсь ничего скрывать! – и несколько раз сказала на камеру о том, что больница «прогнила от верхушки до основания». Намекнула тем самым на необходимость грядущих перемен и одновременно на то, что снятого главврача нельзя заменить никем из его подчиненных. Для дела, задуманного Эллой Аркадьевной, требовался особенный человек – полностью зависящий от нее, беспринципный, алчный и притом без каких-либо кадровых амбиций, чтобы не стал потом приписывать все достижения себе, а скромно держался бы в тени. А еще новый главный врач должен был быть посторонним, не из Севастополя. «Темной лошадкой», не связанной ни с кем из местных деятелей здравоохранения.

На ловца и зверь бежит. В тот момент, когда Элла Аркадьевна перебирала в памяти возможные кандидатуры, ей позвонил бывший завкафедрой организации здравоохранения Ростовского медицинского университета профессор Дедяев. Более четверти века назад (ах, как же быстро летит время!) у студентки Масконовой был недолгий, взаимопользительный роман с доцентом Дедяевым, который циничный доцент называл «симбиозом». Взаимопользительный роман перерос во взаимовыгодные деловые отношения. В первую очередь благодаря Дедяеву, занимавшему в то время пост заместителя министра здравоохранения Ростовской области, Элла Аркадьевна стала главным врачом областного кардиологического диспансера.

Пожаловавшись на скуку и похваставшись тем, что энергии у него хоть отбавляй, Дедяев поинтересовался, не нужен ли «милой Элечке» штатный советник, консультант или кто-то еще в этом роде. Элла Аркадьевна ответила, что в советниках она не нуждается, а нужен ей главный врач будущего клинического центра, лучшего медицинского учреждения Юга России. Дедяев, рубивший фишку на лету, с радостью согласился. Его кандидатура подходила по всем статьям – опытный организатор здравоохранения, сочетающий практический опыт с научным. Дотошные журналисты сразу же раскопали и начали смаковать обстоятельства, вызвавшие уход Дедяева на пенсию, но умный профессор сумел обелиться в первом же своем интервью. «Да, меня обвиняли в финансовых махинациях, но обвинение было голословным, – сказал он. – Вот копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления. Тем, кто станет распространять клеветнические слухи, придется за это ответить».

После того как Москва утвердила представленный проект, Элла Аркадьевна воспрянула духом – дела снова пошли в гору, ура! Но рано она радовалась. Севастополь оказался каким-то проклятым местом, в котором доброе начало оборачивалось плохим концом. Журналисты наперебой обсуждали то, что расходы на медицину в Севастополе выросли почти в три раза, а очереди в поликлиниках – в пять раз. Чуть ли не каждая новостная программа показывала сюжет об очередях в поликлиниках или о лежащих в коридорах больных. Медики писали жалобы в Москву – в Минздрав и президенту. Копии жалоб время от времени появлялись в местной прессе. Дошло до того, что пришлось пожертвовать Дедяевым, которого в Севастополе прозвали Варягом и притормозить процесс ликвидации первой больницы. Элла Аркадьевна чувствовала, что кресло под ней сильно шатается, но она была не из тех, кто сдается без борьбы.

В новом главном враче станции «скорой помощи» Элла Аркадьевна сразу же заподозрила «троянского коня». Человека с такой мутной трудовой биографией (и в госпитале МВД успел поработать, и в тюремной больнице) и не имеющего управленческого опыта просто так, без задней мысли, главным врачом не назначат. Жена у него – заместитель главного врача московской «скорой», стало быть семейка, что называется, «вхожа в круги». А может, он что-то вроде чиновника для особых поручений при Минздраве? Скакал по разным местам под видом рядового врача и выполнял особые задания? Вполне может быть. Положение у Эллы Аркадьевны было таким, что любой министерский назначенец из Москвы волей-нево-

лей вызывал подозрения. Вывод напрашивался сам собой – мутного доктора Данилова надо было сожрать как можно скорее, причем сожрать так, чтобы не подавиться самой.

Увидев Данилова, Элла Аркадьевна окончательно укрепилась в своих подозрениях. Держится надменно, сухо – это неспроста. То, что Данилов мог просто не любить лебезить перед начальством, Элле Аркадьевне и в голову не пришло, поскольку подобное не укладывалось в ее систему мировосприятия. Когда же Данилов сказал, что для лучшего знакомства с обстановкой и ввиду большой нехватки сотрудников он намерен по выходным дням работать на линии, по спине у Эллы Аркадьевны пробежали мурашки. «Каков змей! – подумала она, пытаясь по глазам Данилова прочесть его мысли. – И сверху собирается копать, и снизу». Работа на линии – прекрасный способ для сбора сведений. Чего только не наслушаешься, мотаясь по приемным отделениям! Элла Аркадьевна хорошо представляла, сколько ценной информации можно получить от «низового звена» – рядовых врачей и медсестер. Начальники привыкли держать языки на привязи, а этим терять нечего.

Данилову директор департамента тоже не понравилась. Та еще штучка, сильно себе на уме. Смотрит настороженно, недружелюбно. Сразу же начала рассказывать о том, из-за чего были сняты его предшественники. Намек прозвучал отчетливо – трое до тебя на этом поприще карьеры свои сломали и ты не станешь исключением из правила. Данилова подобное отношение раззадорило. Захотелось доказать высокомерной фифочке, на что он способен.

На что он способен как главный врач, Данилов представлял плохо. Но в глубине души был уверен, что при желании человек способен справиться с любой задачей. А желание было.

В конце аудиенции Элла Аркадьевна неожиданно изменила впечатление о себе в лучшую сторону.

– Я не люблю мешать сотрудникам работать, – сказала она и впервые за всю беседу улыбнулась. – Я не стану вмешиваться в то, как вы руководите. Я верю, что из Москвы абы кого не пришлют. Спрошу только за результат. Если возникнут какие-то проблемы, то можете рассчитывать на мою поддержку. Я понимаю, что вам придется трудно. Сама совсем недавно оказалась в таком же положении. Мало того, что кругом бардак, так еще и критикуют на каждом шагу. Но людей понять можно. Они так пострадали в прежнее время. Тут же черт знает что творилось. Полная разруха и анархия. Разумеется, им хочется, чтобы все наладилось как можно скорее. Мы стараемся изо всех сил, но дело делается своим порядком, а не по взмаху волшебной палочки.

«Ты идиот, Вольдемар, – укорил себя Данилов. – Вечно спешишь с выводами. Аркадьевна – человек неплохой, а ты ее чуть в стервы не записал. Стыдись!».

Элла Аркадьевна заметила, как потеплел взгляд Данилова, и подумала, что такого противника она переиграет без особого труда. Ключнул на удочку, дурачок. Ага, будет тебе свобода действий. Такая свобода будет, что ой-ой-ой! Взвоешь потом, да поздно.

Расстались довольные друг другом. Данилов был доволен тем, что ему попалась нормальная начальница, а Элла Аркадьевна была рада тому, что ей придется иметь дело со столь слабым противником.

Оба ошибались, причем ошибались сильно.

Глава пятая

Любви все сроки покорны

Разрыв матки – один из самых страшных поводов вызова «скорой». Это именно тот случай, когда все решают не минуты, а секунды. Промедление на самом деле подобно смерти. Разрыв мышечного органа с богатым кровоснабжением дает кровопотерю, сравнимую с ранением бедренной артерии.

Диспетчер Света сдернула восьмую бригаду с вызова «женщина семьдесят лет, плохо с сердцем».

– Вы ближе всех! Женщина двадцать два, разрыв матки! Чеснокова, семнадцать, пансионат «Меркурий»! Третий этаж! Триста тринадцатый номер!

Света орала так, что ее можно было бы услышать без средств связи.

– Тринадцатый номер... – начал было Юрий Палыч, но договорить не успел.

– Ехай скорее! – рявкнула на него Лариса. – Как на собственные похороны!

Какая связь между скоростью и похоронами, Данилов не понял. Но Юрий Палыч врубил сирену с мигалкой и помчался по осевой с бешеной скоростью.

– Когда остановимся, бери носилки и бегом за нами! – велела Лариса и обернулась к сидевшему в салоне Данилову. – Владсаныч, ивээл прихватите на всякий...

– Не учи ученого, – огрызнулся Данилов.

Он поставил к двери аппарат для искусственной вентиляции легких и удивился:

– Странно что-то. Пансионат – и вдруг разрыв матки.

– Ничего странного, это просто вы еще не попадали на такое, – ответила Лариса. – У идиотов, которые рожают дома без врача, Крым считается особым местом. Самым что ни на есть благоприятным для родов. Вот они и слетаются сюда, как пчелки на медок. Рожают в гостиницах и пансионатах, а мы потом отдуваемся. На разрыв матки, слава Богу, никогда еще не приходилось выезжать, а разрывы влагалища случаются сплошь и рядом. Принимают обычно муженьки, а у них какой опыт? Никакого!

– Я так понимаю, что это естественный отбор! – встрял Юрий Палыч, которому даже в условиях экстремального вождения хотелось высказаться. – Дураки должны вымирать. Верно?

– Ты х. ню не пори! – строго сказала Лариса. – Ребенок не виноват, что у него мамка дура. Заткнись и рули быстрее, да останови прямо у входа!

– Рад бы быстрее, да крыльев нет, – обиженно проворчал Юрий Палыч.

Четыре километра по дневному, забитому машинами Севастополю проехали за считанные минуты. Юрий Палыч, как и было велено, влетел на территорию и остановил машину прямо напротив входа в пансионат. Переехал впопыхах какую-то клумбу, но сейчас было не до таких мелочей. Данилов с Ларисой пулей выскочили из машины и вбежали в вестибюль. Кажется, Лариса сшибла кого-то с ног. Кто-то что-то кричал вслед. Лифта ждать не стали, взлетели наверх по лестнице и наткнулись на бледного как мел мужчину, закутанного в одеяло на древнеримский манер.

– Сюда! Скорее! Она умирает! – завопил встречающий и побежал по коридору, придерживая одеяло левой рукой и громко шлепая по ковролину босыми ногами.

Момент был неподходящим для посторонних наблюдений и выводов, однако Данилов отметил, что у встречающего имеется выраженное плоскостопие.

За спиной у Данилова слышалось топанье и бессвязные слова, большей частью неприличные. Это бежал с носилками Юрий Палыч. Он разогнался настолько, что, оказавшись в

триста тринадцатым номере, не смог сразу затормозить и врезался в Ларису, нарушив своим безответственным поведением немую сцену, достойную пера Гоголя или Пушкина.

На двуспальной кровати, носившей следы недавних безумств, лежала на спине молодая девушка, совершенно голая, живая и даже в сознании. Обеими руками она придерживала большой, явно девятимесячный живот. Простыня под девушкой была мокрой, но не красной, как бы полагалось при разрыве матки, а белой, точнее – грязновато-белой. Увидев бригаду, девушка виновато улыбнулась и часто-часто заморгала.

Даже столь опытным скорпомощникам, как Данилов и Лариса, потребовалось секунд пять-семь для того, чтобы оценить несоответствие между реальностью и ожиданиями. Первым пришел в себя Данилов. Он посмотрел на Ларису и сказал то, что и так было ясно:

– Пузырь.

– Вот. даки! – ответила Лариса и грозным басом спросила: – Кто передавал вызов?!

– Я передавал, – пролепетал мужчина. – А что? Уже поздно? Почему вы ничего не делаете?

– Потому что вы уже все сделали! – так же грозно ответила Лариса, переводя взгляд на девушку. – Вам что, не говорили, что на последних неделях нужно воздерживаться?

Данилов тем временем уже успел оценить пульс пациентки и надеть ей на руку манжету тонометра.

– Мне сказали, что можно до самого конца, только осторожно, – девушка переглянулась с мужчиной. – Мы так и делали...

– Вижу, – констатировала Лариса и посторонилась, пропуская вперед Юрия Палыча, который, выглядывая из-за ее плеча, с интересом наблюдал за происходящим. – Ставь носилки к кровати, сейчас грузить будем.

– И чего бежали как сумасшедшие? – проворчал себе под нос водитель. – Я даже машину не запер...

– Бежали, потому что некоторые, – Лариса посмотрела на мужчину, – путают разрыв околоплодного пузыря с разрывом матки! Вам что, было трудно правду сказать?

– Я не знал, – мужчина затряс головой и развел руками. – Я не понял... – Одеяло рухнуло к его ногам, но он от растерянности этого даже не заметил. – Все было так хорошо, и вдруг... Меня чуть волной не смыло...

– Славик, оденься! – напомнила девушка.

– Да уж! – Лариса окинула мужчину с ног до головы уничижительным взглядом, сделав секундную остановку посередине. – Иногда и маленькое орудие может вызвать разрушительные последствия...

– Наденьте какую-нибудь рубашку или длинную футболку и ложитесь на носилки, – начал распоряжаться Данилов, не любивший отвлеченных комментариев при пациентах. – Лариса, запроси место. А вы, – он обернулся к мужчине, который успел снова завернуться в одеяло, – если собираетесь ехать с нами, то, пожалуйста, поторопитесь. В смысле – наденьте что-нибудь другое...

– Мы путевку выиграла, бесплатную, на конкурсе «Молодая семья года», – на девушку, как это нередко бывает после пережитого испуга, напала разговорчивость. – Билеты на самолет тоже бесплатные. Но все четко по датам, изменить невозможно. Жалко было упускать такой шанс. Я посчитала, выходило так, что успеем вернуться. А если и нет, так ничего страшного, можно родить и в Крыму...

Лариса, шедшая за носилками, которые несли Данилов и Юрий Палыч, многозначительно хмыкнула.

– Россия же, не заграница, полис действителен, – начала объяснять пациентка, неверно истолковав Ларисино хмыканье. – Или у вас полисы из Перми не действуют?

– Действуют, действуют, – успокоил ее Данилов. – А с отошедшими водами можно рожать и без полиса. Куда теперь деваться...

Возле машины топтался небритый мужик в оранжевом рабочем комбинезоне.

– Ты что творишь?! – начал орать он на Юрия Палыча, чутьем угадав в нем водителя. – Цветов на пять тысяч раздавил! Кто за них платить будет?! Пушкин?! Нет, ты скажи – кто?! Оплачивать ущерб будешь или полицию вызвать?!

– Вызывай! – разрешила Лариса, распахивая задние дверцы для загрузки пациентки. – Оформим тебя за вымогательство. За два чахлах цветочка, которым пять копеек цена, ты хочешь пять тысяч содрать?! Вот, выкуси! – она сунула Оранжевому под нос кукиш. – Шустрый какой!

– Я все оплачу, – пообещал будущий счастливый папаша, доставая из поясной сумки бумажник. – Не волнуйтесь, пожалуйста. Сколько вы говорите?

– Триста рублей ему хватит! – опередила Оранжевого Лариса. – Купит бутылочку и выпьет за здоровье вашего ребеночка.

– Купите две! – расщедрился будущий папаша.

Получив деньги Оранжевый тут же исчез, совсем как джинн из сказки. Был человек – и нет его.

Данилов давно заметил, что салон скоропомощного автомобиля действует на пациентов и их родственников успокаивающе. Медицинская атрибутика и близость медиков создает ощущение защищенности. Будущие родители пришли в себя настолько, что, пока ехали до пятой больницы, успели поспорить насчет того, как они назовут своего первенца. Будущий отец хотел, чтобы сына назвали Данилой, а будущей матери больше нравилось имя Никита. Начали обсуждение шепотом, но в пылу спора повысили голоса чуть ли не до крика.

– Да угомонитесь вы! – шикнула Лариса. – Лишние волнения мамочке сейчас ни к чему. И вообще существует традиция называть детей именами тех, кто к вам на вызов приехал. Если что, то доктора зовут Владимир Александрович. А меня Ларисой, на всякий случай.

– У нас будет мальчик! – гордо сказал будущий отец. – Нам два узиста сказали.

– Или девочка, у которой пуповина между ног болталась, – усмехнулась Лариса. – Знаю я этих узистов...

Сдав пациентку в приемный покой, решили взять обед, благо ситуация этому благоприятствовала – ни одного «стоячего» вызова плюс наличие хорошего кафе около пятой больницы. За обедом, согласно традиции, выпили по стакану компота за здоровье ребенка, которому скоро предстояло родиться, и его матери.

– Ну не фокусники! – усмехнулась Лариса. – Я так неслась, что думала – инфаркт получу.

– А я сначала решил, что мы не в тот номер попали, – сказал Данилов. – Ожидал же совсем другого.

– А вам приходилось выезжать на разрыв матки? – спросила Лариса. – Мне вот ни разу.

– Твое счастье, – Данилов предпочел проигнорировать вопрос, потому что за обедом вспоминать о плохом не хотелось, а хотелось непринужденной легкой беседы, способствующей хорошему пищеварению. – У меня, кстати, крылатое выражение родилось. Говорят, что любви все возрасты покорны, а мы можем сказать, что ей покорны все сроки.

– За любовь! – Юрий Палыч поднял стакан с остатками компота.

Дружно и звонко чокнувшись, выпили за любовь.

– Хорошо живет «скорая помощь», – донесся откуда-то из угла мужской голос, – бухают средь бела дня на работе.

– На такой работе если не бухать, то скоро лапы склеишь, – сказал другой голос.

– Прошу оставить разговорчики! – возмутилась Лариса. – Мы компот пьем, если кто не понял!

– Не заводишься, – попросил Данилов. – Чем больше оправданий, тем сильнее подозрения.

Данилов и подумать не мог, какими неприятностями обернутся в недалеком будущем вызов в пансионат и столовский компот...

На линии Данилов работал только по воскресеньям. Субботы у главного врача станции были сплошь рабочими, хотя формально считались выходными. В ночь на воскресенье Данилов ложился спать пораньше, чтобы хорошенько выспаться, а в понедельник, сдав смену, поднимался в свой кабинет и начинал руководить. С сонливостью боролся при помощи чая и женьшеневой настойки, которую готовил самостоятельно. Мешочком с правильным сушеным корнем женьшеня, выросшим в правильном регионе и собранным в правильное время, Данилова перед отъездом снабдил его друг Игорь Полянский. Сказал, что тому, кто будет днями и ночами заботиться об общем благе, просто необходим хороший растительный стимулятор. Присутствующая при этом Елена заметила, что мужу, находящемуся вдали от жены, скорее нужно пить бром, а не женьшень. Полянский смутился (он всегда немного робел перед Еленой) и стал пространно объяснять, что не имел в виду ничего, как он выразился, «адьюльтерного». Настойку Данилов добавлял в холодный апельсиновый сок, столовую ложку на стакан. Получался замечательный бодрящий коктейль.

Утро главного врача «скорой помощи» начиналось с общегородской видеоконференции. Данилов выслушивал доклады заведующих подстанциями, давал распоряжения и советы, записывал в свой органайзер просьбы. После конференции к Данилову приходила теневой руководитель станции главный фельдшер Евгения Сергеевна Тыжненко, тридцативосьмилетняя дама, под миловидной внешностью которой скрывался стальной характер руководителя высшего дана. О таком главном фельдшере, как Евгения Сергеевна, можно было только мечтать. Евгения Сергеевна все знала, всюду успевала, все замечала и все помнила. Данилов ее не просто уважал, а боготворил и прощал ей некоторые недостатки, такие, например, как бесцеремонность в общении и склонность к употреблению нецензурных слов. Бесцеремонность в общении с начальством – это же скорее достоинство, а не недостаток, поскольку она свидетельствует об искренности и прямоте души.

Евгения Сергеевна входила в кабинет главного врача без стука и спроса. Плюхалась на стул, всплескивала руками и говорила свое обычное:

– Ну, мать его так-растак тридцать три раза! Ну разве ж с такими ... можно работать?

Затем она четко и внятно излагала суть живонасушных проблем. Бесцеремонность сочеталась у Евгении Сергеевны с трогательной деликатностью. Если она видела, что Данилов двинулся в неверном направлении, она не говорила: «вы неправы», а намекала на то, что надо бы поискать другое решение. Намекала в своей неповторимой манере:

– Боюсь я, что Поленька повесится. Она у нас такая впечатлительная...

Поленькой Евгения Сергеевна называла заместительницу по экономическим вопросам Полину Яковлевну Бобрик, которую Данилов про себя прозвал Русалкой. Полина Яковлевна была высокой томной зеленоглазой блондинкой с фигурой, которая могла бы вызвать зависть у любой кинозвезды. Еще большую зависть вызывал метаболизм Полины Яковлевны. Осиную талию она сохраняла без каких-либо ограничений в еде. Полина Яковлевна обожала сладкое и поглощала его в невероятных количествах, говоря, что глюкоза – это горючее для мозгов. На столе у нее всегда стояли коробки с пирожными и шоколадными конфетами. Евгения Сергеевна, с великим трудом удерживавшая свой вес в пределах семидесяти пяти килограмм, говорила, что за Поленькин метаболизм она готова отдать три года жизни. Полина Яковлевна была перфекционисткой, что Данилову очень нравилось, и очень трепетно относилась к своему авторитету, что иногда создавало сложности. В случае возникновения каких-либо разногласий Полине Яковлевне нельзя было приказывать. От этого она сразу же начи-

нала плакать и жалеть себя вслух – отдаю все силы работе, из-за нее, проклятой, семьей так и не обзавелась, а меня не ценят и не уважают и т. д.

Полина Яковлевна обычно приходила к Данилову около полудня вместе с заместителем главного врача по хозяйственному обеспечению Алексеем Анатольевичем Буденко, пятидесятилетним асом-хозяйственником, толстым, краснолицым и громогласным. Между ними и Евгенией Сергеевной к Данилову приходил Штирлиц – заместитель по медицинской части Михаил Маратович Исаев, отставной майор медицинской службы. Штирлиц работал замом с первых российских дней Крыма, пересидел трех главных врачей и, насколько мог догадываться Данилов, таил обиду на то, что не стал четвертым. Обида иногда проскальзывала в словах и выражении лица. Но в целом Михаил Маратович вел себя правильно, работал на совесть и вроде как не интриговал, хотя черт его знает – может, интриговал очень искусно. На всякий случай Данилов держал с ним ухо остро – не откровенничал, как, например, с Евгенией Сергеевной, и вообще старался не говорить лишнего, общаясь только по делу.

В штатном расписании значился еще и заместитель главного врача по работе со средним медицинским персоналом, но ввиду его отсутствия средним персоналом занималась Евгения Сергеевна.

Около часа Данилов обедал. Своей столовой на станции не было, поэтому он ходил в одно из трех расположенных неподалеку кафе. Ассортимент повсюду был практически одинаковым, а вот интерьеры разными – простой столовский, морской и с претензией на роскошь. Эта разница вносила в обеденный процесс некоторое разнообразие. После обеда Данилов отправлялся на совещание в департамент (Элла Аркадьевна и ее первый зам Остап Григорьевич обожали совещания и проводили их чуть ли не через день), или принимал посетителей, или занимался текущими делами.

Дел было много. И проблем тоже хватало. На четырехсоттысячный город – всего двадцать шесть машин «скорой помощи». Этого мало, особенно с учетом того, что с мая по сентябрь население Севастополя увеличивается втрое за счет отдыхающих. А то и вчетверо. Недостаток машин – это опоздания на вызовы, недовольство населения, работа на износ, текучесть кадров. На шестьдесят процентов кадры были не местными, в основном с Севера или из Сибири. Жителей холодных краев манил солнечный Крым, но, вкусив прелестей скорпомощной работы в этом благословенном месте, они скоро понимали, что солнце и море – это еще не самое главное в жизни. Жаркое солнце не радует, если под ним приходится сутками ездить в машине. Море тоже не радует, если из него приходится доставать утопленников. Если работать по графику «сутки через трое» (а так и работало большинство сотрудников севастопольской «скорой»), то на море удастся вырваться три-четыре раза в месяц. После суток еще одни сутки отсыпаясь и приходишь в себя, а следующий день остается не только для отдыха, но и для разных дел... Вроде и живешь у моря, а видишь его эпизодически. И клиентура специфическая. Отдыхающие капризны и сверхтребовательны. Считают, что раз они на отдыхе, то все должны им угодить. Местные жители за годы, проведенные в составе Украины, привыкли к тому, что всего надо добиваться с боем. Могут устроить скандал на пустом месте, просто так, по привычке. Понять их можно – пострадали люди, но работать с ними тяжело. Опять же у многих сложилось мнение о том, что с момента возвращения в Россию все сразу же изменится к лучшему. А реальность, к сожалению, не поспевает за ожиданиями. Это тоже приводит к недовольству и скандалам. Сотрудники жаловались на население больше, чем население на сотрудников. «Гуманизм – это не только высокие идеалы, но и снисходительность к ближним плюс терпение», внушал сотрудникам Данилов. Тем, кто приходил жаловаться на «скорую помощь», пытался объяснить, как тяжело работать медикам в столь сложных условиях. Меры тоже принимал, не без этого. Секретарша Катя (к наличию у него собственной секретарши Данилов все никак не мог привыкнуть) укоряла:

– Владимир Александрович, нельзя тратить столько времени на посетителей. Им только дай волю – до ночи просидят.

– Не учите ученого, – ворчливо огрызался Данилов.

С секретаршей все никак не получалось взять верного тона. Сухая деловитость напрягает, фамильярность тоже доставляет неудобства. Данилов мучился-мучился, а потом махнул рукой – будь как будет. Вышла серединка на половинку. На людях Катя держалась с Даниловым официально-деловито, а наедине переходила на свойскую манеру. Хорошо еще, что соблазнять не пыталась, была верной женой и матерью двоих детей. Катин муж работал таксистом, благодаря чему Катя была в курсе всех городских новостей. Иногда Данилов обращался к ней за справками.

Народ жаловался устно, письменно и в Сети – писали в книгу жалоб и предложений на сайте станции скорой помощи. Данилов старался вникать в каждую жалобу без исключения. Жалоба – это сигнал о недостатках, изучение жалоб помогало правильно оценивать обстановку на станции и в городе в целом. Внимание, которое он уделял жалобам, не было тайной для Эллы Аркадьевны, которая знала обо всем, что происходило в подведомственных ей учреждениях. «Собирает компромат и заодно зарабатывает популярность у населения», – думала Элла Аркадьевна. Сама она считала возню с жалобами ниже собственного достоинства.

Дела шли бесконечным потоком, но вечером, уходя с работы домой, Данилов не мог ответить самому себе на вопрос о том, что именно он сделал сегодня. Вроде бы был занят целый день, а толку – ноль. Другое дело – работа на линии. Переберешь утром в уме список тех, кому помог, и идешь домой гордый, с сознанием собственной значимости и нужности. А руководителю государственного бюджетного учреждения здравоохранения города Севастополя «Центр экстренной медицинской помощи и медицины катастроф» (так во всей официальной полноте называлась должность Данилова) гордиться нечем. Пока нечем. Очень хотелось верить, что пока.

Елена во время каждого разговора спрашивала, как работается Данилову на новом поприще.

– Потихоньку, – всякий раз отвечал Данилов.

Надежды на то, что Мария Владимировна проведет в Севастополе несколько месяцев, не оправдались. Няня Римма Васильевна наотрез отказалась ехать в Севастополь, несмотря на обещанную Еленой прибавку к зарплате. Сказала, что плохо переносит влажный морской климат. Оставить ребенка с няней, которую Данилов предложил найти в Севастополе, Елена наотрез отказалась. Нянь она выбирала сама, и отбор этот был суровее кастинга у Люка Бессона или Стивена Спилберга. Правда, Елена обещала приехать с Машенькой на две недели в августе, но с оговоркой «если ситуация на работе позволит».

В пустой двухкомнатной служебной квартире Данилову было тоскливо. Поэтому он уходил с работы поздно, в двенадцатом часу, шел до дома кружным путем, чтобы надышаться свежим воздухом, а придя домой наскоро ужинал, принимал контрастный душ и ложился спать. Временами появлялась мысль о том, что можно поселиться в кабинете и спать на диване, но Данилов отгонял ее, потому что в таком случае он бы остался без долгих вечерних прогулок, которые ему очень нравились. Ночной Севастополь был прохладен, относительно тих, уютен и немного загадочен. Самое то для прогулок.

Глава шестая

Привіт російському Криму!

– Владимир Александрович, пойдете-ка в амбар, я вам кое-что хочу показать. Прямо сейчас.

Главный фельдшер станции Евгения Сергеевна выглядела если не расстроенной, то удивленной, что само по себе уже интриговало, потому что невозможно было представить, чтобы что-либо могло удивить ее всерьез. «Я полжизни на «скорой» и давно ничему не удивляюсь!», часто повторяла она, слегка лукавя. Из тридцати восьми прожитых лет Евгения Сергеевна проработала на «скорой» семнадцать. Также интриговало и то, что на этот раз главный фельдшер обошлась без своего привычного «мать его так-растак тридцать три раза». Люди, привыкшие выражаться изысканно, в моменты сильного душевного волнения переходят на мат. Матерщинники же в такие моменты выражаются как участники дипломатического приема.

– Что случилось? – забеспокоился Данилов, подчеркивая карандашом место, до которого он дочитал новый восьмистраничный приказ директора департамента.

– Проще показать, чем рассказывать, – ответила Евгения Сергеевна. – Пойдемте в амбар.

«Амбаром» она называла станционный аптечный склад. Помимо лекарств и расходных материалов, в отдельном отсеке там хранился запасной инвентарь.

Идти до амбара было недалеко, поэтому Данилов не стал задавать больше вопросов. По дороге он обратил внимание на то, что Евгения Сергеевна дышит как-то необычно.

– Что за странная одышка? – поинтересовался Данилов.

– Пыхчу от ярости! – был ответ. – Вы сейчас тоже запыхтите.

На столе, стоявшем у входа в амбар, куда обычно выкладывалось выдаваемое, стояли две раскрытые картонные коробки с бело-красными этикетками на боках. Аскорбиновая кислота, пятипроцентный раствор для инъекций. Данилов решил, что Евгения Сергеевна пригласила его на склад, чтобы зафиксировать недостачу упаковок в коробках, и удивился еще больше – зачем такая спешка? Недостача может и подождать, а у него сейчас самое ценное послеобеденное время, когда после перерыва и небольшой прогулки до кафе и обратно голова свежая и с документами работает быстро.

Стоило заглянуть в коробки, как захотелось запыхтеть самому. Упаковки с ампулами, вместо того чтобы лежать ровными штабелями, были сплюснены, раздавлены, разорваны и лежали вперемешку, пересыпанные осколками разбившихся ампул. Сверху, в обеих коробках, лежали желто-голубые листы бумаги формата А5 с диагональной надписью большими печатными буквами «ПРИВІТ РОСІЙСЬКОМУ КРИМУ!».

– Что это такое? – спросил Данилов, беря в руки один из желто-голубых листов.

С оборота лист был белым и чистым.

– Это привет российскому Крыму, – перевела Евгения Сергеевна, как будто Данилов был не в состоянии понять смысл надписи.

– От кого?

– Из Тернополя, с фармацевтической фабрики «ТЕФА», – Евгения Сергеевна постукала указательным пальцем по этикетке на боку коробки. – Мы получили две коробки. Я открыла одну и решила проверить вторую. Такое впечатление, что ногами топтали. Между прочим, мы не первый год с ними работаем. И продолжаем работать, несмотря ни на что. Мне это кажется странным, потому что ту же аскорбинку производят в Краснодаре, но у Батки Махно свои соображения.

– У кого? – не понял Данилов.

– Владимир Александрович, ну вы как будто вчера приехали! – укорила Евгения Сергеевна. – Батькой Махно зовут Остапа Григорьевича Сахно, первого заместителя директора департамента, через которого идут все медицинские закупки в Севастополе. На то отдельный приказ есть.

– Я в курсе, – ответил Данилов. – Читал.

В закупочную деятельность Данилов особенно не вникал, потому что она была отлажена еще до его появления в Севастополе и работала хорошо, без сбоев. По каждой группе товаров имелись поставщики, искать кого-то не было необходимости, да и никто не приходил с предложениями. Евгения Сергеевна, которой Данилов полностью доверял, регулярно составляла заявки, Данилов их подписывал – и на том его участие в закупках заканчивалось. В приказе директора департамента о том, что в целях совершенствования закупочной деятельности все поставщики должны быть одобрены ее первым заместителем, Данилов не видел ничего странного. У Остапа Григорьевича большой опыт в торговле лекарствами и медтехникой. Кому, как не ему, контролировать процесс? На самотек же его пускать нельзя. Могут быть разные злоупотребления. Опять же, закупать определенный товар у одного поставщика выгоднее, чем у разных – большие объемы дают лучшие цены.

– Через него и только через него, – повторила Евгения Сергеевна. – Иначе секир башка. Бывший главврач «восьмерки» попытался рыпнуться и в два счета стал бывшим. Батяка свой интерес блюдет четко.

Евгения Сергеевна подняла правую руку со сложенными в щепоть большим, указательным и безымянным пальцами и выразительно потерла ими.

– Вы присутствовали при том, как Остап Григорьевич брал деньги у поставщиков? – нахмурился Данилов. – Видели своими глазами, как он «блюдет свой интерес»?

– Да кто же это при свидетелях делать будет? – усмехнулась Евгения Сергеевна. – К тому же Батяке нет смысла действовать так грубо. Там все гораздо запутаннее. Часть фирм, с которыми мы работаем, принадлежит ему, то есть формально – его жене, а остальные – его давние партнеры. Рука руку моет, но придраться не к чему.

– Давайте прекратим этот разговор, – Данилов положил листок обратно в коробку. – Не стоит делать выводы, порочащие человека, не имея на то веских оснований. Про меня тоже можно придумывать чего угодно.

– Например? – прищурилась Евгения Сергеевна.

– Ну, не знаю... – растерялся Данилов. – Например, можно сказать, что у меня с женой нелады, – он суеверно постучал костяшками пальцев по столешнице, – поэтому я и приехал из Москвы в Севастополь.

– Личная жизнь начальства меня не интересует, – усмехнулась Евгения Сергеевна. – И замужем я никогда не была, так что на своем опыте судить не могу. Но мне всегда казалось, что когда любят, то стараются не разлучаться... Извините, Владимир Александрович, это я не про вас, а просто к слову. Ну что с этим будем делать? – она указала взглядом на коробки. – Мне кажется, что к акту надо фотографии приложить.

– Непременно, – согласился Данилов. – Со всех ракурсов. Больно уж... кхм... нестандартный случай. Сфотографируем, запечатаем, напишем акт и отправим все в департамент, в отдел организации лекарственного обеспечения. Пусть разбираются. Только вот еще что, Евгения Сергеевна. Если уж у нас зашел разговор о моих семейных делах, то я хотел бы прояснить ситуацию. Моя жена осталась в Москве из-за работы. Она – директор регионального объединения на московской станции и, одновременно, зам главврача. А у меня в Севастополь нечто вроде командировки. Вот налажу все, если, конечно, смогу, и уеду домой.

– Вы бы пока развелись с женой, фиктивно, и прописались бы в здешней квартире, чтобы потом оставить ее за собой, – посоветовала Евгения Сергеевна. – Будет куда летом приезжать.

– Такие финты не в моем стиле, – усмехнулся Данилов. – К тому же в глубине души я человек суеверный и фиктивно разводиться не стану ни за какие коврижки. Начнешь фиктивно, а закончишь по-настоящему. Отойдите, пожалуйста, от стола.

Евгения Сергеевна отступила на два шага. Данилов достал из кармана брюк телефон и сфотографировал коробки сверху и сбоку. Затем он крупным планом снял этикетку на коробке и листок с «приветом».

– Владимир Александрович! – к Данилову подбежала диспетчер оперативного отдела Галя Горбарец. – У Риты Ремизовой мать только что привезли в первую больницу! Ишемический инсульт! Рита сидит сама не своя, работать не может. Можно ее отпустить? Я уже вызвала Ковтун, та через полчаса приедет и до десяти поработает вместо Риты. А ночью мы без нее справимся.

В оперативном отделе, который принимал вызовы у населения и передавал их на подстанции, дежурило всего три диспетчера. Три диспетчера – это мало даже по зимним меркам, а по летним, когда население Севастополя увеличивается втрое, – и подавно. Работа у диспетчеров очень сложная и ответственная. Далеко не каждый вызов передается внятно и четко. Приходится выспрашивать, уточнять. Вызывающие нервничают, путаются, грубят. С подстанциями есть свои сложности. Надо координировать работу с учетом текущей ситуации, передавая вызовы не только «по адресу», но и с учетом загрузки. Кроме приема и передачи вызовов оперативный отдел отслеживает наличие свободных коек в стационарах и с учетом этого организует госпитализацию – дает бригадам «место» в той или иной больнице. Кроме трех диспетчеров в оперативном отделе дежурит врач, старший в смене. Он руководит работой отдела, консультирует по телефону, но большую часть времени выполняет работу четвертого диспетчера. Медики шутят, что работа в оперативном отделе сродни работе авиационного диспетчера – столько же напряжения и столько же ответственности. В этой шутке девяносто процентов правды.

– Отпустить, конечно! – не раздумывая ответил Данилов, понимая, что работник из Риты никакой. – А почему вы ко мне с этим обращаетесь? Замены в компетенции Першанова. Или он против?

Илья Борисович Першанов стал руководить оперативным отделом после того, как получил на вызове ножевое ранение брюшной полости. На вызовы после этого он больше ездить не мог – развилась фобия, поэтому перешел на сидячую работу. Илья Борисович был хорошим заведующим, умным, опытным, способным быстро принимать решения, причем верные. Кроме того он был чутким и добрым руководителем и пользовался у подчиненных не только уважением, но и любовью. Разумеется, при таком наборе достоинств у человека должны были быть и недостатки. Илья Борисович боялся начальства. Любого, начиная с Данилова и выше. Вот и сейчас отпустить сотрудницу без разрешения главного врача он не мог. Данилову такое поведение не нравилось. Он считал, что людям надо предоставлять как можно больше самостоятельности и что идеальным главврачом можно считать такого, без которого станция способна работать так же четко, как и при нем. Поэтому Данилов всякий раз напоминал Илье Борисовичу, что тот вправе решить вопрос самостоятельно.

– Илья Борисович хотел получить ваше согласие, – ожидаемо ответила Галя и, заглянув в ящики, замерла на несколько секунд. – Ой-ой-ой! Ничего себе привет... Это нам с Украины прислали?

– Нет, это мы с Владимиром Александровичем сами сделали! – огрызнулась Евгения Сергеевна. – Я подойду потом к тебе с актом. Подпишешь как третий член комиссии.

– Конечно подпишу! – кивнула Галя и умчалась прочь.

– У нас в подъезде прошлой осенью какая-то сволочь фальшивую бомбу у дверей положила, а сверху написала: «Слава Украине», – сказала Евгения Сергеевна. – Все, как полагается – связка «сосисок», электронное табло, провода. Соседку мою от переживаний кондратий хватил. Ходит теперь только по квартире, с палочкой. Да и я перепугалась не на шутку. Вот зачем так, а? И ампулы зачем топтать?

– Не знаю, – сухо ответил Данилов. – Пойду распечатаю снимки и напишу докладную в департамент, а вы пока пишите акт...

На следующее утро, когда Данилов появился в своей приемной, секретарша Катя сказала:

– Владимир Александрович, вас срочно требует к себе Сахно. Пять минут назад звонил.

– Срочно? – удивился Данилов. – Что, ночью какое-то чепэ было?

– Насколько мне известно – нет, – Катя озадаченно нахмурилась. – Обычно же если чепэ, то телефоны с восьми утра начинают трезвонить, а сейчас все тихо.

– Ладно, – Данилов открыл дверь своего кабинета. – Проведу пятиминутку и пойду к Сахно.

– Владимир Александрович! – остановила его Катя. – Если Сахно говорит «срочно», то надо бросать все дела и бежать.

– А если я говорю, что собираюсь провести пятиминутку, то Сахно придется подождать, – резким тоном ответил Данилов. – И бегать я не люблю, предпочитаю ходить шагом.

Катя покраснела и уткнулась глазами в монитор своего компьютера.

Из-за какой-то непонятной вредности, возникшей в душе после Катиного предупреждения, Данилов отдал служебно-разъездную «Газель», обслуживавшую не только главного врача, но и всю станцию, своему заместителю Михаилу Маратовичу, который собрался на контрольный объезд подстанций. В отъезжавшую на его глазах машину психиатрической бригады, единственной специализированной бригады в Севастополе, тоже подсаживаться не стал, а пошел в первую больницу, на территории которой находился департамент, пешком, через старое кладбище. Во время «пятиминутки» (так Данилов называл утреннюю видеоконференцию) выяснилось, что никаких чепэ, достойных внимания руководства департамента, за прошлые сутки не произошло. На второй подстанции сломалась на линии машина, на четвертой сдали полиции буяна, который полез в драку с бригадой, на седьмой какой-то неустановленный придурок разбил камнем окно в комнате отдыха водителей. Обычные рабочие сутки, можно сказать – «тихие». Данилов шел быстрым шагом – вредность его не простиралась настолько, чтобы плестись медленно, – но на душе у него было спокойно. Наверное, из Минздрава пришел очередной циркуляр, на который нужно срочно отреагировать. Или, может, Сахно решил забрать кого-то из даниловских заместителей? А что, возможно. Быстрые кадровые перетасовки – в его стиле. Сахно Данилов недолюбливал. Ему не нравился грубоватый стиль общения первого зама, гармонизировавший с его обликом брутального бритоголового крепыша. Подчиненным Сахно «тыкал» и разговаривал с ними резким, приказным тоном. Попробовал он «тыкать» и Данилову. Данилов, в свою очередь, тоже перешел на «ты». Сахно недовольно хмыкнул – вот ты какой, северный олень! – но «тыкать» перестал.

В отношении «тыканья-выканья» у Данилова был пунктик. Он был сторонником равноправия и говорил «вы» всем подчиненным. Некоторые, например, Лариса, на «вы» реагировали нервно. «Когда вы мне «выкаете», Владсаных, мне кажется, что я что-то не так сделала», – сказала она. Данилов начал обращаться к ней на «ты», но Лариса продолжала ему «выкать». Но это ладно – человек сам попросил, потому что так ему комфортнее. Это совсем другое дело.

Сахно встретил Данилова неласково.

– Ваша секретарша не сказала, что вы нужны мне срочно?! – грозно спросил он, снимая с лица очки и кладя их на раскрытую папку с документами.

Сахно носил очки в тонкой оправе, которые совершенно не подходили к его скуластому, грубому, словно рубленному топором, лицу.

– Сказала, – Данилов без приглашения сел на один из стульев, приставленных к длинному столу для совещаний. – Я провел пятиминутку и пришел к вам.

– Пятиминутку? – скривился Сахно. – Если я говорю «срочно», то это значит срочно! Одна нога там, другая здесь!

Данилов ничего не ответил. Он сидел, смотрел на Сахно и ждал, что будет дальше. Уже было ясно, что ничего хорошего ждать не стоит. «Наверное кто-то написал грандиозную жалобу», – подумал Данилов, не знавший за собой никаких грехов.

– Что это вы написали?! – Сахно взял со стола и швырнул по направлению к Данилову несколько скрепленных листов, в которых Данилов сразу же узнал свою вчерашнюю докладную и приложенную к ней копию акта списания двух коробок с ампулами аскорбиновой кислоты.

Бросок был настолько точным, что листы упали прямо перед Даниловым.

– Это докладная и акт о списании, – ответил Данилов, не касаясь бумаг. – А разве с ними что-то не так?

– Не так! – рявкнул Сахно. – Что вы себе позволяете, доктор?! Разбили по недосмотру две коробки аскорбинки и решили свалить на поставщиков? Даже историю подходящую потрудились придумать! Ах-ах-ах, какие нехорошие украинские националисты! Да кто вам поверит?! Я лично вам не верю!

Слово «доктор» служило у Сахно для выражения недовольства. Звучал в нем некий начальственный намек, строгое предостережение – гляди, мол, у меня, а то перейдешь сейчас из главврачей в доктора, это быстро.

– Не надо сваливать свою вину на других! – Сахно набирал обороты, уже не говорил, а кричал и разок стукнул кулаком по столу. – Недосмотрели, разбили, значит будете платить из своего кармана! Вместе с главным фельдшером! Заберите свои писульки и напишите мне объяснительную! К ней и приложите акт! И Тыжненко ваша пускай тоже напишет! Честно пишите, как есть! У меня все!

Сахно нацепил на нос очки, готовясь продолжить прерванное занятие. Данилов не спешил вставать.

– Вы плохо слышите?! – откровенно хамским тоном спросил Сахно, сверля Данилова взглядом из-под очков. – У меня все! Вы свободны!

– Вы закончили, а я еще нет, – сказал Данилов. – Все, написанное в докладной, – истинная правда. Ничего другого мы с Тыжненко не напишем. Коробки стоят на станции. Можете приехать и убедиться в том, что их не просто уронили. Содержимое коробок топтали или давили...

– Сначала уронили, а потом растоптали! – скривился Сахно. – Если уж хватило ума на привет с Украины, то хватит и на остальное!

– Остап Григорьевич, – Данилов говорил спокойно и даже с оттенком того дружелюбного участия, которое часто присутствует в разговорах с упрямыми пациентами. – Разве я или Евгения Сергеевна хоть раз давали вам повод заподозрить нас в неискренности? Это первое. Если уронить коробку с упаковками ампул, то много не разобьешь. Максимум в двух-трех упаковках могут обнаружиться битые ампулы. Пакуется же все с умом, с учетом того, что при погрузке-разгрузке все швыряется. Стоило ли нам городить огород из-за десятка ампул? Это второе. И будьте любезны общаться со мной спокойно и вежливо, чтобы не испортить мое мнение о вас. Это третье. Вот теперь у меня все. До свиданья.

Данилов встал и ушел. Сахно не сказал ему ни слова. Данилов не оборачивался, но по отсутствию звуков за спиной можно было сделать вывод о том, что Сахно сидит не двигаясь и переваривает услышанное. А может, не переваривает, а просчитывает расклады. Хамы теряются, когда их ставят на место. Они же все в глубине души трусы и слабаки. Хамят от неуверенности в себе.

Хмурой пожилой секретарше Сахно, которую звали невыговариваемым именем Парандзем Артаваздовна, Данилов улыбнулся во все тридцать два зуба. Парандзем Артаваздовна улыбнулась в ответ и, стрельнув глазами в сторону двери, из которой вышел Данилов, выразительно приподняла левую бровь – как там Остап Григорьевич? Данилов показал ей оттопыренный большой палец, кивнул на прощанье и ушел.

Возвращаясь на станцию, Данилов думал о том, как разумно устроено все в этом мире. С первого взгляда высшего замысла постичь невозможно, но постепенно он нам открывается. Неспроста ведь кратчайший путь между первой больницей и станцией скорой помощи проходит через кладбище. По дороге в департамент можно собраться с мыслями в умиротворяющей кладбищенской тишине, на обратном пути – быстро успокоиться. Сахно, конечно, идиот. Напыщенный и самовлюбленный дурак. Недаром же он сразу не понравился Данилову. Но что делать? Начальство не выбирают. Будем знать, с кем имеем дело, и станем держать ухо востро. Если Сахно не уймется, то придется идти к Масконовой. Она умная, должна понять, что нормальный человек такой истории выдумать не в состоянии...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.